

Карпов Геннадий

Жизнь и необычайные приключения
менеджера Володи Бойновича

Америка 2043

16+

Геннадий Карпов

**Жизнь и необычайные
приключения менеджера Володи
Бойновича, или Америка 2043**

«ЛитРес: Самиздат»

2013

Карпов Г. Г.

Жизнь и необычайные приключения менеджера Володи Бойновича, или Америка 2043 / Г. Г. Карпов — «ЛитРес: Самиздат», 2013

Два парня сильно хотят попасть из Владивостока в Америку. Они угоняют подводный аппарат и прибывают на Гавайи. Но действительность сильно отличается от того, что они знали об Америке из лекций некоего робота, который воспитывал одного из них всё детство в качестве няньки. Один погиб, другой попадает в концлагерь, совершает побег, и постепенно из менеджера превращается в спецагента. Теперь его цель – выяснить: где живёт его отец и что за робот воспитывал его в детстве. Но для этого ему надо пройти от Мексики до Канады по территории, на которой полыхает гражданская война всех против всех.

Геннадий Карпов

**ЖИЗНЬ И НЕОБЫЧАЙНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ МЕНЕДЖЕРА
ВОЛОДИ БОЙНОВИЧА, или
АМЕРИКА 2043**

Роман – предчувствие

Моей дорогой Люде, без помощи которой
данное произведение не могло бы быть создано -
посвящается

*Джонни! Оу, е-е!
Ла-ла-ла-лааааа, ла-ла-лааа...*
(Слова из популярной американской песни)

От автора

Дорогой читатель! Если после прочтения данного литературного труда ты перестанешь называть свою великую страну «Рашкой», если вложишь свой лишний рубль в экономику своего государства, а не в доллар ФРС, если вечером выключишь зомбоящик, и прочитаешь книги Фоменко, Горяйнова, Шильника, Графа, Перкинса, Старикова, Веллера и других честных историков и писателей, если вместо рэпа и Мадонны включишь в своём автомобиле Башлачёва, Дольского и Градского, если вместо бутылки водки купишь себе хулахуп, если откажешься от очередного кредита, а вместо куска свинины съешь яблоко – я буду считать, что трудился не напрасно.

Часть первая

Мы с Пашей решили приплыть в Америку на подводной лодке аккурат к столетию курдской битвы. Историю в школе я учил плохо, а вот радио «Голос свободной Америки» слушаю всю сознательную жизнь. И там недавно сказали, что в июле 1943-го года американские войска выиграли курдскую битву, что послужило началом конца сталинско-гитлеровской России. Как-то так, подробностей я не запомнил. Просто сказали, что в Америке праздник, будут поздравлять ветеранов, а в кинотеатрах – бесплатно крутить кино про войну и разносить халявный поп-корн и колу. А вечером в Вашингтоне ожидается салют из ста орудий. Я позавидовал в очередной раз американцам, и во мне ещё сильнее окрепло желание сбежать и присоединиться к величайшему из народов: сколько войн, столько и побед! Вот это экономика! Вот это солдаты! Вот это командование и президенты! Сперва одолели орды до зубов вооружённых индейцев, напавших когда-то давно на южные штаты и закабалившие негров. Потом поочередно разбили мексиканцев (Освободили от них техасцев.), гуннов (Освободили от них римлян.), французов (Освободили от них канадцев.) и нашего Наполеонова, залившего кровью всю Европу. Когда я впервые прослушал аудиокнигу о том, как русские во главе с генералом Наполеоновым вырезали целые города и насильно присоединили к российской империи независимое испанское ханство и королевство польское, то мне стало стыдно, что я – русский. Вскоре по «Голосу» прослушал цикл передач про Сталина о том, как он атомными бомбами забросал Японию, Непал и Таиланд, и поклялся сбежать из России чего бы мне этого ни стоило. (Диктор, лауреат Сахаровской премии Козырев – джуниор, когда читал про то, как японские дети прыгали в реку, чтобы спастись от радиации, но вода в реке кипела, и дети варились заживо, и тёк суп из человеческого жира – на этом месте он попросил прощения, высморкался, выпил воды, и только тогда смог продолжить чтение, а я выключил тюнер. Работать в тот день я не мог. Перед

глазами стояли мёртвые японские дети и укоризненно спрашивали меня: «Разве ваш никому не нужный Сахалин того стоил?»)

Конечно, встать на лыжи я мечтал не только из-за Наполеонова или Ивана Грозного. Надоело мне тут всё до чертей! Квартплата растёт каждый год. Солярка стоит уже столько, что на машине езжу только на работу и обратно, а всё остальное – на автобусе или трамвае. С тех пор, как запретили доллар, товары на полках в основном или свои, или китайские, или индийские. Если товар американский, то стоит гораздо дороже нашего. Не скажу, что невозможно носки купить, или наши телефоны хуже японских (У меня два телефона, оба нашего производства.), или еды не хватает, но раньше, говорят, товаров на прилавках было куда как больше. (Кстати, доллары в Евразии отменили как раз в тот год, когда я родился, поэтому я вырос уже при закрытых границах, скудных прилавках и фактической диктатуре Старикова и его камарильи.) Зато включаешь телевизор – а там стариковцы, рогозинцы да фёдоровцы тебе рассказывают, как хорошо живётся у нас, и как плохо – в Америке. Мол, там сплошные гомики, наркоманы, бандиты, и вообще – идиоты все поголовно, воюют друг с другом и погружаются в хаос средних веков. А в родном отечестве – тишь да благодать. За дураков нас, видать, держат! Как будто люди не понимают, что если бы в Америке жили сплошь такие, как нам рисуют, то эта страна не являлась бы ведущим государством мира уже тысячу лет! Весь цивилизованный мир покупает товары с надписью «Made in USA». Даже в нашем с Пашей магазине лодки есть с такими логотипами. Правда, в основном народ покупает наши: сахалинские десятиместные чисто семейные прогулочные, питерские шестиместки со стеклянной кабиной, нижегородские на подводных крыльях (Говорят, могут разогнаться до ста узлов, но я сомневаюсь.), а недавно пошли револьские, на серебряных батареях, которые полгода могут не всплывать на поверхность, а погружаться – аж на триста метров. Они на двух пассажиров рассчитаны. Ну, мол, берёшь с собой кралю – и на дно! Ну, так-то неплохо задумано! Американские – на солярке и очень дорогие, зато большие, комфортабельные, все в хроме, с нарисованными зубами на морде. Не то что наши замухрышки. (Есть ещё посуды из Астрахани, Енисейска и Питера. А ещё – немецкие, малазийские, аргентинские и иранские. Короче, на разные вкусы и кошельки. Я об этом могу долго рассказывать.)

А какие в Америке тачки! А какие там тёлки! Поглядишь на наш автопарк, прогуляешься вечером по Океанскому проспекту – серость! Если едет какая тачка клёвая – значит, сделана в Детройте. Если идёт красавица – то без знания английского к ней и не подходи: ни слова не поймёт из твоего шипения. Потому я английский и учу всю жизнь и говорю на нём так же хорошо, как на рашке. Меня ещё Джонни языку учил. Иностранок в городе много, но как с ними знакомиться – я, честно говоря, не имею понятия. Вообще, с женщинами у меня – полная беда. Они любят богатых и подтянутых, а я толстый и бедный. Потому купаюсь на диком пляже в полном одиночестве, а живу с мамой. Есть несколько подруг в сети, с которыми стебаюсь вечерами и корчу из себя чуть ли ни Буша Восьмого. Однако реально общаться со слабым полом я не умею, но не признаюсь об этом никому, хоть жгите меня. Видимо, это от аритмии моей. Пока общаюсь виртуально с какой-нибудь ткачихой или связисткой – всё нормально. Ставлю перед собой на стол тарелку халвы или кальмара копчёного, пива литр – и пишу всё с юмором, умно, даже пошловато. А как доходит до реального общения – ну прям ступор находит! Раз столбом простоял на свидании, другой... Выслушал всё, что думает современная девушка о глухонемом идиоте, за которого кто-то в чате умные вещи пишет, а сам он – полное полено, и решил, что с меня хватит.

Зато у меня машина американская. Небольшая, всего три с небольшим метра от носа до хвоста, зато напичкана всем, чем можно. В том числе – радиоприёмником, по которому я слушаю «Голос свободной Америки», пока по пробкам до своего магазина добираюсь. И, добравшись, понимаю, что живу я в полной жопе и выхода не наблюдаю. Штаты и наша рашка

– это как слон и моська в той американской басне. Возьмём хотя бы мою тачку. Садись в неё и говоришь:

–Привет, моя родная американочка!

Это я такое кодовое приветствие забил в бортовой комп. После этого она сканирует мою сетчатку глаза и говорит мне женским голосом с приятным таким нерусским акцентом:

–Привет, родной! Тебя приветствует автомобиль фирмы «Шоу Дзё моторз». Сдай газ на анализ, чтобы я могла убедиться, что ты – это действительно ты!

В этот момент надо слегонца пердануть в седушку – и всё! Дизелёк завёлся, рулевое разблокировано, можем ехать. Вот это прогресс! По пердежу человека распознают! Даже таблетки специальные в комплекте шли, чтоб пукать. Правда, уже кончились, а новых у нас не достать. Не то, что Вазы-Газы-Мазы. До сих пор ключ надо в скважину тыкать, а батареи на триста километров не хватает. Правда, минус у моей машины есть. Пару раз после праздников случались неприятности: как хлюпнешь моей родной в анализатор – мало того, что сам в говне, так потом анализатор надо прочищать, иначе не заводится. Зато в комплекте есть специальные палочки для прочистки. Но это мелочи.

У Паши тоже тачка с надписью «Made in USA» на багажнике, (Длинной от носа до хвоста – два девяносто.) с массажёрами всех частей тела и всеволновым радио внутри. И ему тоже надоело слушать по «Голосу», как свободно и богато живут люди в штатах, а потом выходить во двор и видеть спящую в песочнице пьяную соседку и кучу мусора у подъезда. Только Пашке, по большому счёту, без разницы – куда ехать. Ему лишь бы ехать, да из окошка таращиться, да фотать всё подряд на свой новенький «Зенит». Он мне как-то выдал, что не помрёт, пока не повидаёт двенадцать стран. Он – в мать, такой же путешественник. Они с матерью были уже на двух космодромах – Байконуре и Восточном (Глядели, как ракеты взлетают.), летали на Новую землю (Медведей белых смотрели в дикой природе.), плавали по Волге и Енисею на теплоходах. А я хочу конкретно в Америку!

Мы с Пашкой – одноклассники и однокурсники, нам по двадцать четыре года. Живём в одном доме, а наши матери вместе работают в представительстве одной хитрой международной компании, помогающей студентам трудоустроиться за рубежом. Наших студентов могут отравить, к примеру, в Китай, но находятся чудачки, которые едут к нам из Турции и даже Испании. А отцов у нас нет. У меня вообще никогда не было, а пашин служил военным моряком и погиб, когда Паша только пошёл в школу. Меня воспитывала одна мать, да поначалу – христианско-пионерская пришкольная организация. Ну и Джонни конечно. Матери было постоянно некогда: её волновали судьбы студентов, приехавших из Индии в Якутск разрабатывать алмазные месторождения. Пионерские и христианские дела меня интересовали мало, поэтому воспитывал меня в основном Джонни. И вот что обидно: как мы с Пашкой ни уговаривали своих мамок устроить нас после школы по благу куда-нибудь в тёплое местечко на Гавайях – ни в какую! Как сговорились! Идите, мол, сначала в армию, а потом поступайте в институты, а потом поработайте года три, а уж потом поглядим! Ведь у нас в рашке теперь какой порядок? Кто в армии три года не служил – высшее образование не получит, оружие себе не купит и в Партию Великого Отечества не вступит. В колледже надо учиться пять лет, в институте – семь. Кто без вышки – ограничение выезда за рубеж, а карьерный рост заканчивается на должности директора небольшого магазинчика. А кто только восемь классов из двенадцати положенных осилил – вообще запрет на выезд из своего региона и ограничение зарплаты. Исключение только для больных и крестьян: тем раз в два года можно на два месяца ехать хоть на Луну. Мол, эти куда б ни уехали – к своему огороду всё одно по весне вернуться сорняки дёргать да картошку садить. А мы, городские да неслужилые – вроде как люди второго сорта, гниль и червоточина. Нам за колючку – ни-ни! Не дай бог увидим, как нормальные люди живут! Кругом полиция, кордоны. Раз в году всеобщая принудительная проверка на пристрастие к наркотикам и алкоголю. В политической жизни участвуй, ГТО сдавай, на иностранные сайты про-

сто так не зайти! Пачку сигарет по цене уже к двадцати литрам бензина подтянули! Шагу ни ступи, пива на лавке не попей, к новому военному порту близко не подойди! На рейде постоянно два эсминца стоят, а с военного аэродрома под городом постоянно взлетают здоровенные самолёты. Я раз в лифте слово из трёх букв написал классе в шестом, а мать потом этот лифт три месяца мыла по вечерам. Оказывается, в лифтах видеокамеры понатыканы! Так ей и надо, дуре старой! А ещё партийная! Такие связи – а сын через пень-колоду закончил колледж за шесть лет вместо положенных пяти и работает менеджером по продаже разных лодок на берегу Тихого океана! Пальцем о палец не ударила ради меня! То некогда ей, то страшно за себя: уволят из представительства! То за меня трясётся – вдруг уеду в Америку и непременно стану наркоманом! Как будто я идиот полный! (Единственный раз в жизни похлопотала за сына – это когда меня по состоянию здоровья не захотели брать обучаться на права. Коли, мол, нормативы даже по бегу в школе не сдавал – какие тебе права? Мать куда-то ездила, потом с кем-то разговаривала по чату – и меня приняли в группу. И на зло всем я сдал на категорию Б с первого захода!).

Я не наркоманить там собираюсь, а на пляже работать спасателем! Сидишь под зонтиком. Кругом море, пальмы. Не то наша бухта Золотой Рог, где тины на берегу по колено, рыбой тухлой несёт, бомбардировщики туда-сюда летают и бабки старые на камнях лежат, жопы трёхэтажные греют! Не-е, я видел настоящие пляжи! Американские! Не даром в моей тачке экран двенадцать дюймов и тюнер клёвый! Там такие тёлки в голубой воде плещутся! А мужики-спасатели их на руках в свою кабинку заносят время от времени и, чтоб за буйки далеко не заплывали, трахают так, что солома с крыши сыплется. (Я такое во время движения уже не смотрю: боюсь в аварию попасть. Такие передачи я включаю, когда иногда ночью в своей родненьке. Запаркуюсь где-нибудь в чужом районе в щёлочке между большими машинами, благо колёса все четыре поворотные, ездить могу боком. Возьму пива, колбасы. Погляжу кино про Америку и голых баб, поплачу в одиночестве, потом напру, напру под чужими дверями в подьезде каком-нибудь – вроде легче на душе. А утром – на работу. Целое приключение получается!)

Нет, ребята, что ни говорите, а в Америку я хотел так, что у меня к пятнадцати годам не комната уже была, а кусок вожделенной территории: флаг ихний купил, пару футболок с номерами каких-то знаменитых хоккеистов, плакаты с видами Белого Дома и Пентагона, красотишки сисястые с «Кольтами» над кроватью – вообще, весь набор. А на Джонни я всегда надевал ковбойскую шляпу, а на спине написал: «Боже! Храни Америку!» Мать зайдёт, бывало, в комнату ко мне, головой покачает и скажет очередную херню. Мол:

– Ты русский, а в комнате всё американское, что хоть не заходи! Пошёл бы в армию, отслужил бы три года хоть коком на вертолётносце, закончил бы потом институт, вступил в партию, женился. Не кончится добром твоё это увлечение! Твоя мать знает, что говорит!

Короче, в сотый раз пропоёт свою дурацкую песню, спросит про аритмию (У меня с детства сердце троит временами.), чмокнет в лобик как маленького – и свалит трудоустроить очередного яйцеголового из какого-нибудь Кодинска куда-нибудь в Бомбей, или наоборот. (При этом, как праздник какой – сама пьёт только виски, а не водку! И бельё импортное. Я лазил у неё в шкафу и видел трусы кружевные полупрозрачные с иероглифами.) А ты тут сиди на койке, паясь до одури на статую свободы и мечтай о далёкой прекрасной стране! Потом достанешь свой диплом менеджера по продажам среднего звена и поймёшь, что максимум, куда ты уедешь из своего вонючего Владивостока – это на Кавказ, на Байкал или в Юрмалу. И хочется повеситься от тоски и бессилия одолеть этот людоедский режим! Его кто только ни пытался одолеть последние лет сто – бесполезно! Вроде – качается уже! Вроде – уже рухнул! Вроде – коммуны свалили, на доллар почти перешли, и – нет бы сделать из рашки продолжение штатов! Хотя бы до Урала! Куда там! Как ни уговаривали, как ни просили дать полную свободу людям – бесполезно! Сами в Москве жить не будем и другим не дадим! Границы с посольствами позакрыли, ракетами и кораблями ошетились, доллар запретили, с Европой

и США разосрались, торгуем теперь только с Азией. Мало того! Находятся ещё государства, которые добровольно вступают с нами в союз! Ну не идиоты? Ещё и Индия с Китаем в ту же дуду дудят! Короче, опять идём своим путём. Нет, не по пути мне с вами! И то, что у меня свой, особый путь – я понял как-то сразу. И сразу стал учить английский язык. Так что к семи годам, когда пришлось переться в эту дебильную школу, на англише я говорил так же свободно, как на рашке. (Это, конечно, заслуга Джонни в том, что когда весь класс мямлил: «Америка из грэйт кэпиталист кантри», я читал Байрона в подлиннике. Ох и шалун оказался его Дон Жуан!)

Джонни – это мой робот. Он прожил со мной пятнадцать лет, с самого рождения. Мои первые воспоминания связаны не с мамой, а именно с Джонни. Он играл со мной в прятки, читал мне книги и учил английскому языку. Выглядел он презабавно: негритёнок роста сантиметров шестидесяти – семидесяти с четырьмя колёсиками вместо ног, квадратной головой и немигающими глазами. Из его спины торчали различные кнопочки и штепселя, а из груди выезжал небольшой экран для настроек. Джонни был для меня всем: интернетом, радио, врачом, папой и товарищем. Когда я немного подрос, мама объяснила мне, что это – подарок одного студента из Африки, которого она устроила механиком на круизный лайнер. И ещё мама строго-настрога наказала, чтобы я никому не рассказывал про него: вещь эта очень дорогая, и если кто-то узнает, что она у нас есть, то к нам непременно залезут грабители и отберут у меня моего Джонни. Поэтому про робота знали только мама и я. Когда у меня впервые заболело сердце, он первым поставил мне диагноз, померил температуру и пульс, даже не притронувшись ко мне своими мягкими резиновыми руками. Когда мы с ним оставались одни, он мне читал сказки про гномов, вампиров, троллей, суперменов и ковбоев. (Больше всего мне нравилась сказка про американского президента Линкольна, в которой тот, когда был ещё молодым, с помощью волшебной флейты освободил американскую землю от индейцев и крыс, за что и был избран президентом. Стишок оттуда: «Америка, Америка, великая страна! Кому она не нравится – пожуй-ка, брат, говна!» я прочитал однажды на каком-то дурацком празднике в школьной церкви. Меня побили старшеклассники и выгнали на улицу на мороз. Больше я в церковь никогда не ходил и креститься наотрез отказался.)

Позже Джонни стал читать мне более серьёзные книги и, подключившись к телевизору, сопровождал их картинками и даже фильмами на английском языке. Просмотрев с роботом один фильм раза три, я уже мог перевести всё, что там говорили. А говорили там правду: про то, что Америка одна бьётся за мир во всём мире с терроризмом, коммунизмом, сатанизмом и много с чем ещё. Что Россия – это тюрьма народов, которая поработила свободных людей от Балтики до Тихого океана и угрожает всему миру тремя тысячами ядерных боеголовок. Что земли, на которых живут русские, никогда им не принадлежали, тогда как те же финны вынуждены жить друг у друга чуть ли не на головах. Что у нас тюрем больше, чем во всех остальных странах вместе взятых, и всех недовольных режимом отправляют в Сибирь на рудники, а многих – расстреливают. Что у нас адвокатов, защищающих невиновных граждан, меньше, чем в одном Нью-Йорке. Что петля Нестерова – это удавка, которой русские во главе с генералом Нестеровым душили свободных поэтов и писателей в Венгрии, Чехословакии и Афганистане. Что по уровню коррупции и употреблению алкоголя мы занимаем первые места в мире, а по потреблению творога, сахара и мяса находимся в середине второй сотни. Что границы со свободным миром мы закрыли, чтобы люди не могли сравнивать их уровень жизни с нашими ошмётками. Что всё, что мы умеем – это воровать, пьянствовать, запускать ракеты и снабжать армии террористов гранатомётами и автоматами Калашникова. И так далее как по нотам. По телевизору показывали карты девятнадцатого века и даже древнее, где свободные государства были обозначены белым цветом, Россия и Индия – чёрным, а Китай и Корея – серым. И с каждым веком мир становился всё чернее. Короче говоря, мой робот открыл мне глаза на эту страну. И я понял, что мне крупно не повезло родиться русским. Джонни как-то сказал, что сделали его в секретной лаборатории специально, чтобы учить детей всего мира

уму и говорить правду, которую по телевизору у нас уже давно не показывают. Таких Джонни, оказывается, много в свободных странах, а вот в закрытых, типа России, их запрещают сволочи из КГБ. Теперь, выходя на улицу, я смотрел на свой Владивосток совсем другими глазами. Я замечал то, чего раньше не видел: грязь, неустроенность, обгорелые урны, кривые улочки, враньё политиков и воровство начальников, мутную горячую воду в кране, дороговизну. Даже снег зимой убрать толком не могут! Да и с дождями при современном развитии техники давно бы уже могли научиться бороться! А то, как зарядит на неделю из гнилого угла – сидишь дома, пялишься в телевизор, смотришь какую-нибудь ерунду, грызёшь сухой тульский пряник и плачешь.

Лет в десять мне уж больно нравился анекдот, который мне рассказал Джонни: слёт глав десяти крупнейших держав: приезжает Буш Пятый, Лукиано Андретти, Акира Мишима, Хельмут Фишер... А Старикова нет. И тут громко объявляют: русский президент не приедет. Он в туалете жидко обоссался!

На этом месте я прям падал от хохота! Ну, надо ж так смешно придумать!

А ещё от Джонни очень вкусно пахло. Причём запахи от него шли разные. Когда мы были одни, от него пахло мокрыми яблоками или горьким шоколадом. А когда дома была мама, то от него начинало пахнуть какими-то цветами. И запахи эти были малозаметны, еле уловимы, но хотелось дышать ими ещё и ещё. Я навсегда запомнил эти запахи моего электронного друга. А ещё он впервые мне показал американские передачи по телевизору. Как он это сделал – не знаю, но я обалдел, когда вдруг вместо скучных местных новостей (Рыбаки поймали сто тысяч тонн селёдки, космонавты в невесомости сделали тонну чистого кремния, в КБ имени Туполева приступили к испытаниям... Кому нужна эта показуха?) во весь метровый экран нашего «Горизонта» вдруг появилось улыбающееся лицо симпатичного седовласого мужчины, который сказал:

–Ну, здравствуй, Володя Бойнович! Так вот ты какой, оказывается, у нас! Я – президент Соединённых Штатов Джордж Буш Седьмой! Присоединяйся к нашей вечеринке!

Вечеринка в тот вечер удалась на славу! Столько шампанского! Столько жратвы разной! Такие тёлки! Такие парни на суперкарах! А музыка! Такой музыки я сроду не слышал! У нас укакаются – так не сыграют! Там перед ударником было барабанов – штук двадцать, и полное ощущение, что рук у него было – тоже двадцать, и в каждой – по палочке. Косматые гитаристы выдавали бешеные ритмы, а певец не пел – ревел, как бомбардировщик над моим пляжем. Единственное, что мне не понравилось – это слова песни. Ерунда какая-то, если честно: «Люби меня, люби меня! Ведь я давно тебя люблю, везде и навсегда! Тугеза. Форева.» И потом гитарист взапрос поцеловался с певцом. Странно! Зато между песнями там крутили рекламу! Ведь у нас по телевизору какая реклама? Ну, скажут чёнить типа: продаются такие-то холодильники или чайники, там-то, по такой-то цене. И всё! А у них на рекламу каких-то бутербродов было потрачено двадцать миллионов долларов! (Там в конце прям было написано, что потрачено – столько-то, режиссёр – такой-то, в ролях – тот и тот, и даже композитор был!) Целое кино сняли в три серии: как его делают вместо той ерунды, что делали до него, как его едят и запивают ледяной колой, и что он полезного потом делает внутри организма. Просто отпад! Ведь если рассудить логично – раз у них рекламируют подобную вкуснятину, значит народ ею уже так обожрался, что без рекламы не берёт! Я потом часто просил Джонни, пока мамы нет, показывать мне разные запрещённые фильмы и передачи. После такого идёшь в свой пятый класс по гололёду и смотришь на рашку, как на плохие декорации к плохому спектаклю. И в мыслях только одно: хочу в Америку – хоть снова плач! Ведь там, как я понял, правила такие: сажаешь в открытую тачку девок, берёшь пива ящик – и попёр по хайвэю куда глаза глядят. Ни тебе полиции, ни шлагбаумов! Бензина – хоть залейся! Ну, просто сказка, а не жизнь! За копейки никто не батрачит, цены ниже плинтуса. Купил каких-то там акций – и сиди до пенсии на диване, плюй в потолок, а тебе денежки просто так капают. Я как-то раз после такого клипа

тоже взял банку пива американского с зарплаты, выпил и решил прокатиться на своей род-нульке. Да по нашим дорогам разве газу дашь! Доехал до первого светофора, постоял в пробке, захотел в туалет, голова закружилась с непривычки, затошнило. Короче, включил автопилот и поехал домой. И проплакал потом весь вечер от обиды. Единственно, что я решил не смотреть – это фильмы про геев. Их зачем-то регулярно показывали после семи вечера, и я долго не мог понять, что это за геи такие, зачем мужики целуются, а потом спят вместе. Поэтому стал просто переключать на что-нибудь другое. В основном на мультики и разные фильмы ужасов и катастроф.

В садик я не ходил по причине заболевания сердца. Врачи долго колдовали надо мной и удивлялись: почему вполне здоровое сердце ни с того ни с сего вдруг путает систолу с диастолой? Прописали мне какие-то лекарства. То ли от них, то ли от постоянного сидения дома, но я стал толстеть. В начальной школе это было не очень заметно, но я быстро менялся в большую сторону, и к девятому классу уже весил девяносто килограмм при росте сто семьдесят пять. Одноклассники надо мной немного подтрунивали, но особо ко мне никто не лез. Учился я плохо (Как сказала моей маме директриса: « Ваш сын не воспринимает действительность, он близок к аутизму»). Мама плакала, мы ходили по каким-то врачам, но результат был почти нулевой.), приятелей у меня не было. Самым близким был Паша Григорьев, да и то лишь потому, что жили мы с ним в одном доме и в школу и обратно ходили вместе. Так что, кроме своего живота я выделялся среди школьников только знанием английского языка да умением хорошо плавать. Нормы ГТО я, конечно, не сдавал. В колледже два года просидел на первом курсе, потом немного втянулся и закончил со средним баллом 3,5. Но к тому времени со мной уже не было Джонни.

Когда мне исполнилось пятнадцать лет, он умер. За неделю до этого он сильно напугал маму, заговорив с ней на незнакомом языке. Слов я не расслышал. Помню громкий мужской бас на кухне, мамины вскрики, упавшая ложка... Джонни к тому времени перестал пахнуть, и вообще, вёл себя как-то вяло, хотя батарея показывала полный заряд. Потом он ещё несколько раз разговаривал о чём-то с мамой своим изменившимся голосом, а мама своим тоже изменившимся голосом, прикрыв двери, кричала на него на кухне так, словно это был не робот, а вор, пойманный за руку. На меня Джонни вовсе перестал реагировать, а вскоре замер, уставившись в стену своими чёрными зрачками с многократным зумом. Я умолял маму отнести его в ремонт или пригласить её знакомого программиста с секретного завода. Но мама сказала, что этот робот рассчитан только на пятнадцать лет работы, и его время истекло. На вопрос: нельзя ли купить другого такого же? – она ответила, что даже не представляет, где их делают или продают. Вечером она завернула тело в мешок из-под картошки, увезла его на своей машине к бухте, и там бросила в воду. А потом всю ночь на кухне пила виски и плакала. Несколько раз заходила ко мне в спальню, гладила по голове, и шептала заплетающимся языком:

–Боже мой! Бедный мой Вовчик! Что я, дура, натворила! Не будет мне прощения, листик мой! (Она иногда называла меня листиком. Меня это жутко бесило!)

А я, помню, тоже весь в слезах, говорил ей:

–Ну, поехали, достанем Джонни! Может, его ещё можно починить!

–Нет, Володя, починить уже ничего нельзя!

Оставшись без робота, я долго болел. У меня были галлюцинации, меня тошнило и рвало, я неделю или больше не мог ни есть, ни спать, а только иногда пил воду и похудел килограмм на десять. Мать тоже несколько дней не ходила на работу, её трясло, и она постоянно плакала и пила успокоительные капли попеременно с вином. К счастью, всё постепенно прошло. Я даже стал после этого лучше учиться. Так что, от Джонни у меня осталась лишь пара фотографий на телефоне, любовь к Америке и лишний вес, с которым у меня бороться нет ни воли, ни желания. Еды, в конце концов, хватает. Нормы сдавать от меня уже никто не требует. В армии

служить не надо, хотя сердце уже давно не шалит. Вот только женщины меня не любят, а я их боюсь, как и десять лет назад.

Сам план побега у меня вяло зрел года два. Ровно столько, сколько мне потребовалось на то, чтобы освоиться на первом после колледжа рабочем месте. Колледж этот драный я окончил кое-как. Никаких физик или химий я, конечно, не сдавал, поскольку точные науки – это не моё. Правда, к концу учёбы разобрался в экономике, банковском деле, бухгалтерии. Но что самое удивительное – я стал чемпионом колледжа по плаванию! В детстве мать водила меня в бассейн, и плавать я стал на удивление неплохо. Даже теперь нет-нет, а в солнечный безветренный день приезжаю на берег океана и плаваю часа по два. Жировые ткани в моём теле преобладают над мышечными, поэтому плаваю я с мая по октябрь, и в основном так: отплываю от берега метров на тридцать, переворачиваюсь на спину, и разбрасываю руки в стороны. И небольшая зыбь покачивает меня, как в гамаке. Смотришь на небо, иногда отплёвываешься от особо нахальной волны, плеснувшей пригоршню горьковатой воды в лицо, и думаешь о чём-то большом, о чём каждый должен подумать в своей жизни, но обычно не думает по причине ежедневной суматохи. Время подумать о большом появляется только тогда, когда сидишь в лесу у костра (Я об этом читал.) и когда лежишь на воде. И мысли эти у меня выходят всегда какие-то грустные: о смерти, о смысле жизни, о том, ради чего пришёл на этот свет, а в результате чьих-то козней вынужден не трахать красоток на Таити (Или Гаити? А-а! На Гавайях!), не ездить по пампасам на багги с пулемётом, а продавать лодки, получая небольшой оклад плюс полтора процента от каждой проданной посуды. В том месяце я продал разным организациям три... Нет – четыре двухместные подводные лодчёлки и один катер. В итоге получилось почти сто тысяч на руки. Положа руку на сердце, о таких деньгах я пару лет назад и мечтать не мог. Рынок этим летом ожил как никогда, а наш грамотный маркетинг закрепил успех. Зато впереди зима, значит продажи упадут. Субмарины ещё будут иногда брать, а вот яхты до весны можно закрывать брезентом и рисовать плакат с броскими цифрами «-50% скидка». Если бы я ещё работал один, а то Паша, хоть и друг, но конкурент, продал за месяц одного «американца», и две нижегородских «Ласточки» на подводных крыльях. Но зимой Паша часто простывает и сидит на больничном. Конкурента не будет. Хотя, без Паши на работе скучно. Он весёлый, начитанный, остроумный. Клиентов, а особенно – клиенток обхаживает – любо дорого поглядеть. Призёр городских соревнований по дзюдо в весе килограмм шестидесяти пяти от силы, и турист третьего разряда. Без него не с кем будет обсудить новости из «Голоса». Директор – член партии, с ним такие вещи не обсудишь. Пара техников вообще вне политики. Их хлебом не корми – дай двигатель протестировать, да бортовой комп перепрошить. Не сказать, чтоб слушать «Голос» было запрещено, но – не поощрялось. Этим тупым фёдоровцам только скажи что-нибудь хорошее про Америку – сразу попадёшь на заметку. Вроде и не посадят, и с работы не выгонят, а смотреть будут косо. А вот с Пашкой обсудить американские новости – это запросто! Без фанатизма, но по существу вопроса. Его мясом не корми – дай сделать умное лицо и порассуждать о том, что творится на другом конце вселенной!

Зато почти сто тысяч за месяц! Круглая сумма хорошо ложилась на мозг и грела душу. Сто тысяч! Это мой рекорд. Я как начал работать – сразу стал копить на автомобиль. Потом мать добавила недостающую сумму. Положа руку на сердце, она добавила очень приличную сумму к моей очень недостающей до необходимого ценника. Правда, она хотела, чтоб я взял российское авто, но я купил то, что было к душе. Хоть маленький, но кусочек Америки. И вот, теперь у меня есть свой автомобиль, и плюс сто тысяч лежат дома в шкафу с носками (Заначка!). Так что, если всё пойдёт хорошо, то через пару лет можно будет подумать о собственной квартире. Чтоб не видеть вечно озабоченное лицо матери, чтоб спокойно водить к себе женщин. (Ведь они не ходят ко мне только потому, что я живу с матерью! Вся причина только в этом! Любая причина моих неудач – не во мне, а в ком-то. Больше всех неудачи приносят те, кто ближе. А ближе всего – мать. Я уверен: не будь рядом матери – я вёл бы себя

с женщинами совсем иначе! Так мне Джонни всегда объяснял. Пашкина мать к сыну в душу не лезет, потому-то у того уже давно есть девчонка, тоже туристка. Я эту горькую тему думаю обычно под пиво, сидя ночью в машине.) Да и женщины в округе все какие-то не такие, как мне хотелось бы. Не та порода. Дворняжки! До голливудских голенастых блондинок – как макаке до человека! Что ни говори, а славянин – это переходное звено от обезьяны к англосаксу, прав был незабвенный Джонни.

Вот тебе и подумал о вечном! Глянул на офицерские часы – плаваю уже больше часа. Захотелось писать. В трусах на миг погорячело и погасло. Замёрз. Пора на берег. Скоро вечер. После прохладной воды на холодном ветру телу становится совсем неуютно, я весь покрываюсь пупырьками. (Зато зимой я никогда не простываю!) Быстрее снять мокрые трусы, вытереться полотенцем – огромным двухметровым махровым долларом, надеть шерстяной тренировочный костюм пятьдесят четвёртого размера с небольшой надписью на груди «I love America» – и за руль. (Костюм Ивановский, а надпись вышила мама мне на день рождения на своей подольской машинке.) А дома мама приготовила горбушу с рисом и овощами в духовке. Она её часто готовит. Говорит – недорого и полезно. Как она задолбала, эта горбуша!

Тут с гравийки на пляж съехал небольшой электроджипик хабаровского производства (Хабаровские совместные с Китаем машины мы тут называем «Хабар».) и остановился неподалёку от моей «родненьки». Из «Хабара» вышла девушка примерно моего возраста. Не скажу, что это была Мисс Мира-2043, но дама вполне так ничего, с парой лишних килограмм на талии, и большим желанием от них избавиться – в глазах. Она глянула на мой торчащий живот, оценила двойной подбородок, громко, даже с вызовом сказала:

–Добрый день! Ну, как нынче вода?

Сняла длинный джемпер, и осталась в закрытом купальнике. Дыхание у меня остановилось. Я стоял возле машины, опершись на капот, и пялился на неё, не зная, как бы поинтереснее ответить на вопрос. Она глянула на меня как на пустое место и вдруг гаркнула:

–Сидеть!

Да, живое общение с особами противоположного пола сильной стороной моей натуры не являлось! В мозгу промелькнула лихорадочная мысль: сейчас она меня поимеет!

В голове зашумело, морда пошла пятнами, пульс подпрыгнул до пулемётного. И тут же другая мысль: не поимеет! Не получится! У меня не получится! У меня получается только перед экраном, а в жизни – никогда. А если у неё оружие? Что же делать? Может сесть, как приказано? С террористами сначала надо вступать в переговоры! Или заплакать и сказать, что у матери я один, а Россию тоже не люблю?

Пока эти мысли билась в моей голове, «Хабар» пискнул и присел на песок, убавив клиренс сантиметров на десять. Дама уже шла к воде уверенной походкой и, зайдя по колено, нырнула. Даже странно, что она грудью не зацепилась за дно, а сразу поплыла брассом, метров через сто перешла на кроль, потом нырнула и долго не показывалась на поверхности. Потом лежала на воде также как и я, иногда подгребая руками, глядя на чаек, летевших куда-то в сторону эсминцев. Потом ещё раз нырнула, неторопясь подплыла к берегу, и подошла к своей машине.

–О, ты ещё не уехал! – обратилась она то ли ко мне, то ли к машине. – Я думала – уехал давно!

Только тут до меня дошло, что все сорок пять минут, что она плавала, я так и простоял с полотенцем в руках. Что на меня нашло? Очередной приступ столбняка? Не видел, как женщины плавают? Видел! Но чтобы вот такие женщины! И чтоб вот так плавали! И так командовали, что даже у машины ноги подогнулись, не говоря про меня!

–Нормы ГТО хочу сдать на первый разряд. Бег сдала, стрельбу, отжимание, велосипед. Даже пулемёт собрала с завязанными глазами за минуту! А вот плавание велели подтянуть.

Тогда в институт физкультуры без экзаменов могут взять. Ну, раз партия велела – значит подтяну!

Она говорила это, слегка запыхавшись, снова глядя не на меня, а на своего «Хабара».

–А я тут часто плаваю. После работы, – наконец раскрыл я склеившийся рот, – я тут работаю недалеко. В магазине «Наутилус». Мы там лодки продаём подводные. И катера разные. И Яхты. И Запчасти.

–Продавец? – на этот раз она всё-таки посмотрела на меня. – Как-нибудь зайду. Поступлю в институт – катер понадобится. Небось, ты и в армии-то не был?

–Нет. У меня это. Аритмия. Небольшая. Была.

–Жаль! А я служила на космодроме. В роте охраны! – она зашла за машину, переделалась в сухое, и снова гаркнула: – Голос!

«Хабар» пискнул, приподнялся на лапах, и под капотом что-то электрически загудело.

Она села за руль и уехала. Я хотел поехать следом, но сразу не смог завести машину. Чёртово американское ноу-хау! Ведро с дерьмом с собой возить, что ли? И таблетки пердёжные кончились. Надо переговорить с техниками на работе: пусть прошьют бортовой комп! Оставляю только голос и сканирование глаза.

Грунтовка вскоре сменилась трёхполосной автострадой, и мимо меня понеслись безликие жестянки с людьми. Я включил автопилот и стал думать про пловчиху и её чудо-автомобиль. Надо же! Вот это женщина! Сколько силы воли! Мне бы столько – я бы тогда – о-го-го! А тачка-то какая наворочанная, даром что «Хабар»! Я слышал, что в последнее время интеллект у машин развивают, но как-то не ожидал увидеть это на своём пляже. Потом я стал мечтать о том, как я бы её спас, (Чёрт, забыл спросить её имя!) если бы она нырнула – а тут бы приплыла та огромная акула из кино и стала бы за ней гоняться по всей бухте. Я бы тут же бросился в воду со скалы, и вспорол акуле пузо ножом. Или на Тамару напали бы бандиты (Я окрестил её для себя Тамарой. Имя у неё должно было быть мощным. Оля или Таня как-то не подходили, а вот Тамара – в самый раз. Я бы даже назвал её – Тататамара, если бы такое имя было в ходу.), а я бы – тут как тут из-за дерева выскакиваю, как тот парень в крутом американском боевике: бац одному, бац другому! А третий навалил бы в штаны и сам удрал. А Тататамара бы ко мне подошла и, обняв за шею, тихо произнесла бы чёнить типа: «Уау! Да у тебя железные яйца, парень! Друзья зовут меня Тома Неугомонная. Не угостишь коктейлем свою крошку?» Или на Тататамару напали бы дикие собаки. Но про собак как-то не получалось думать. То ли как враги они были мелковаты для подвига, то ли в кино такого не видел, но про собак, гигантского орла, кальмара-наильника и анаконду как-то не мечталось. Картинка в мозгу вставала на стоп-кадр, анаконда оставалась в траве, орёл зависал под облаками, и начиналось просто думать про тамарины сиськи. Да и вообще, мечтаться вскоре почти перестало, потому что захотелось есть.

Я включил «Голос». Шла передача о парне из Техаса, который весил триста килограмм, и к дому которого местные власти решили провести монорельсовую дорогу, чтобы тот не чувствовал себя изгоем. Брали интервью у девушки, которая жила с ним раньше, потом они расстались, но монорельс позволит им снова встретиться, потому что она тоже весит под триста кил и передвигается с трудом. Новый монорельс от койки до койки называли «Дорога двух душ», в открытии обещает принять участие сам губернатор штата Билл Клинтон Третий. «Вот это страна!» – вздохнул я, погладил свой живот, заехал в придорожный магазин-заправку, залил соляру в роднулку, купил себе два пирожка с мясом и рисом и бутылку «Байкала». Посидел в машине, представил, что ем гамбургер с колой, погладил по коленке воображаемую красотку в бикини, всплакнул, включил музон погромче и поехал домой.

На другой день я сидел на работе и рылся в инете в поисках сертификатов на новые винты для американских лодок. Винты нам привезли без всяких бумаг и вообще без каких-либо опо-

знавательных знаков. Шеф вскрыл один ящик, поглядел внутрь, пощупал кромки винта, сморщился и воскликнул:

– Это что за нафиг такое! Запчасти для мясорубки? Это кромка? Где документация? Где сертификаты на кавитацию? Откуда это вообще к нам приплыло? Где накладные? Бойнович, нарой хоть что-нибудь про них! Сдаётся мне, их вообще не центровали. Они же за три дня оси разобьют! Отнесите их на склад пока. В продажу не пускать до особого разрешения. Если придёт кто за винтами – вон, благовещенские предлагайте!

Поэтому я уже второй час лазил в сети и пытался найти хоть какую-то информацию о странных винтах. Подошёл Паша.

– Наверно это американские винты, раз для американских лодок предназначаются! А на штатовские сайты доступа у нас нет. Интересно бы узнать: это наши доступ к ним закрыли, или они нас сами к себе не пускают?

– Конечно, наши! – не колеблясь ни секунды, парировал я наезд на Америку.

– Вот бы глянуть одним глазком хоть на один настоящий американский сайт! – вздохнул Паша. – А ещё лучше – съездить бы туда самому.

– Я об этом, если честно, думаю постоянно, – грустно сказал я, – толку только никакого. Хоть думай, хоть не думай – нас туда не пустят.

– А давай туда на лодке уплывём! – вдруг вполне серьёзно сказал товарищ.

– Да ну! Нереал это! – махнул я рукой, а самого как кипятком внутри ошпарило: ведь я смотрел на наши лодки с этой стороны уже давно. – На них миль пятьсот бы пройти! И то, если без штормов. Да и дорогие они. Да и кто разрешит нам уплыть? Да и пограничники поймают. Сам же знаешь – с этим строго. Помнишь, пару лет назад какую-то шаланду с контрабандой из пулемёта расстреляли около Находки?

– А мы её угоним и под водой пойдём! – с каким-то мальчишеским упрямством, понизив голос, сказал Паша. – У меня геологи на той неделе обещали две «Нерпы» взять ревелские. Одну под экипаж, а вторую под склад продуктов и разного барахла хотят переоборудовать. Они на шельфе какие-то поисковые работы проводят у Сахалина. Под водой мимо погранцов проскочим, а там на аккумуляторах да на солнечных батареях до Гонолулу доберёмся! Да хоть парус из простыни сделаем!

Сначала мне это показалось полным бредом и безумием. Но Паша прямо загорелся идеей обойти погранцов и дойти под водой до самых Гавайских островов.

– Ты представь! – с жаром жестикулировал он, когда мы зашли в ангар и встали около зеркальной, из нержавеющей стали, «Нерпы». – Двое русских обходят все ловушки и преграды, преодолевают пять тысяч лье под водой и выходят прям на гавайском пляже под изумлённые взоры репортёров и местных красоток! Ты же сам мне рассказывал, аж кипятком писал, как круто на Гавайях! Спасатели, сосатели, пальмы, коктейль холодный нахаляву. Так и будешь всю жизнь мечтать? А под старость скажешь: а ведь был у меня шанс! А я зассал!

Если честно, то я зассал так, что в животе заурчало, и беседу пришлось на этом срочно прервать. Но день за днём обдумывая затею друга, я приходил к выводу, что не такая уж она фантастическая. Во-первых, лодка была очень хорошая. Это была «Нерпа-2», специально подготовленная для длительного пребывания под водой. У неё против стандартной были мощнее аккумуляторы и солнечная батарея, имелся спутниковый навигатор, связь и куча другой электроники и систем жизнеобеспечения. Иллюминаторов не было вообще, за счёт чего добавили жёсткости корпусу. Короче, лодка, даром что российская, была то, что надо. Внутреннего пространства было, конечно, очень мало. Командный отсек – пять квадратных метров с кучей кнопок, тумблеров, джойстиков, экранов и экранчиков, он же кухня, а из него – две двери в крохотные одноместные каютки с узкими койками, небольшими столиками, сундуками для багажа, и стальным унитазом и мойкой из нержавеющей стали за герметичной перегородкой. В каждом помещении вдоль стен стояли какие-то баллоны, тянулись трубы и кабель-каналы. Стены были

прорезиненные, а на передней был смонтирован экран – копия иллюминатора. На него выводилась картинка с внешних видеокамер и тепловизоров. Повсюду были приклеены инструкции с рисунками. В люк я еле протискивался, на койке – еле помещался. Лодка была сделана под двух паш и тонну груза, который находился в кузове – отдельном помещении, в которое попадать надо было снаружи лодки через отдельный люк.

Во-вторых, Паша сказал, что у него знакомый служит на эсминце, который как раз сейчас стоит на рейде. И этот знакомый ему шепнул ненароком, что на борту идёт ремонт, и локаторы, а также всё, что там ещё на нём есть для обнаружения подводных лодок – тоже в ремонте, потому что заржавели, покрылись паутиной и заработают нескоро.

В-третьих, мы договорились так: плывём до Гавайев, выходим на пляже, светимся в репортаже местных новостей, даём интервью – и валим обратно. Становимся популярными, и нам по возвращении хоть и надерут уши (А бородатые с Сахалина ещё и побьют за бланшированную сайру, абрикосовый джем и лазерные теодолиты.), но зато разрешат выезд в Америку. Ведь, раз мы могли там остаться, но не остались – значит, нам можно доверять. И мы будем вроде как свои в доску парни ездить туда-сюда по всему миру по международным делам или просто когда захотим.

Несколько дней подряд мы оставались с другом после работы в ангаре под предлогом того, что надо было готовить лодки к продаже, изучали документацию и приборы. Две «Нерпы-2» стояли в нашем ангаре – проходили предпродажную подготовку. В мои рабочие обязанности входила подготовка всей документации для продажи, гарантийного и последующего техобслуживания, в Пашины – проверка всех узлов на работоспособность и корпуса – на герметичность. Техники Коля Магретов и Ваня по фамилии Ли – китаец маленького роста, представитель совместного завода в Шанхае, производящего бортовую электронику – занимались компьютерами и двигателями. Покупатели, геологи с Сахалина, подвозили разные припасы и складывали их около лодок, чтобы, не теряя времени, погрузиться и отплыть, как только их контора оплатит счета. Мы с Пашей внимательно смотрели, что они привозят и прикидывали – хватит нам жратвы до Америки, или брать с собой спиннинги и сети. Мы посчитали, и получилось, что до Гавайев нам идти дней двадцать-тридцать. А еды геологи подвезли (Нам! Ха-ха-ха! Лопухи!) месяца на четыре, даже учитывая мой хороший аппетит. Там стояли ещё какие-то ящики с приборами, но они нас не интересовали. Нас интересовала свинина пряная, галеты солдатские, каша рисовая с говядиной, джем, сайра бланшированная в масле. Паша заметил, что нет воды в бутылках. В лодках, правда, стояли опреснители, но вода из них была невкусная. Я, конечно, ни минуты не верил в то, что мы куда-то поплывём, но игра в разбойники так захватила, что я уже всерьёз изучал инструкции эхолота и даже посидел на блестящем унитазе, разбираясь в кнопках «смыв», «вода пресная», «вода забортная». Поиграл с джойстиком, включил и настроил навигатор. Руки немного дрожали, но я успокаивал себя тем, что всё это – не более, чем шутка. Ну, примерно как насрать в чужом подъезде.

Паша сказал, что управление он берёт на себя, потому что на Байкале он уже погружался на «Нерпе», и видел, как ей управляют. Да и командовать этой посудинкой сможет даже обезьяна после трёх дней дрессировки. Я не стал особо вникать в детали, хотя основные рычаги и тумблеры на всякий случай запомнил. Всё было действительно достаточно просто: джойстик «вперёд-назад», джойстик «вверх-вниз», включение камер, ещё какие-то кнопочки с отдельными экранами и без, датчики содержания кислорода в воздухе и большая красная кнопка аварийного всплытия.

Мама пару дней присматривалась ко мне внимательно, потом поинтересовалась – всё ли у меня нормально на работе? Я сказал, что на работе аврал, потому и прихожу поздно, и за телевизором не сижу, и даже есть стал меньше. (А еда действительно не лезла в глотку от волнения.) Да и Паша посмеялся надо мной, когда я лёг на койку в кубрике, и было непонятно:

большая часть меня лежит или висит? Моя мама позвонила Пашиной, и успокоилась, узнав, что её сын тоже весь в заботах. Повзрослели дети, работают!

И вот, двадцать шестого июня 2043 года я как всегда приехал на работу к восьми часам, и не успел сесть за стол и включить комп, как Паша помаячил мне из ангара. Я пошёл к нему, по дороге поздоровавшись с шефом, который вёл в свой кабинет двух бородатых мужиков, которые и покупали у нас лодки.

–Завтра лодки – тью-тью! – сказал Паша. – Контракт подписан и оплачен. Если плыть, то сегодня или никогда!

У меня подкосились ноги, а на глаза навернулись слёзы от ужаса.

–Наверно я не смогу! – вяло пробормотал я. – У меня снова аритмия. Вообще, последнее время чёт какт не то. Не, я пас! Как говорится – я вытираю ноги.

–Ну ё-твоё! – Паша аж покраснел, пытаясь подобрать цензурные слова. – Ты чё творишь, блинство-бананство! Такой шанс! Так готовились! А ты со своей аритмией! Да нету у тебя никакой аритмии! Так и скажи: зассал! Скажи громко, чтоб все услышали: я, Володя Бойнович, ссыкло! Ну, говори! Я-то уже точно решил всё для себя. Если ты в отказ пошёл – плыву без тебя!

–Паша, извини, но я – пас! – только и смог выдать из себя я и на трясущихся ногах посеменял в туалет.

Нет, такие подвиги хороши в кино. Я тысячу раз их видел в голливудских фильмах. Какой-нибудь киногерой на моём месте не просто бы угнал эту несчастную лодку! Он бы ещё взорвал порт, обезглавил главного злодея по имени Иван и поймел между делами красотку Сью. А потом в белом доме президент США принародно наградил бы его орденом и чемоданом долларов. Но это – кино. А тут – реальный угон лодки стоимостью сто с лишним миллионов, да ещё с оборудованием, которое ждёт на Сахалине! Мне, в принципе, чужие проблемы всегда были до фига, но такое сотворить – увольте! Нету такой силы и таких слов, которые заставили бы меня совершить самоубийство здесь и сейчас!

Я сел за стол, включил комп и собрался было открыть документацию, как за дверями раздался приглушённый стеклопакетом, но хорошо знакомый командный голос:

–Сидеть!

Дверь открылась и вошла Тататамара. Она сразу увидела меня (Меня в нашем офисе вообще сложно не увидеть.) и широким шагом направилась к моему столу. Одета она была в костюм цвета хаки, на голове – кепка, на ногах – берцы, на правое плечо был наброшен пустой с виду рюкзачок.

–Привет, пловец! Как оно помаленьку ничего?– она даже не попыталась улыбнуться и сразу перешла к конкретике. – Короче, мне надо лодку! Показывай, что у тебя есть! Мне что-нибудь такое, чтобы можно было до Вьетнама добраться. Денег у меня с собой нет, пока просто прицениваюсь. Отец обещал прислать. Он во Вьетнаме служит. Хочу к нему стонять перед институтом. Прокатимся с товарищем.

Затрясшимися руками я достал каталог и положил перед ней. Она села верхом на соседний стул и посмотрела на меня вопросительно. Я снова был в полном ступоре. Мало того, что деваха, о которой я думал почти безостановочно, вдруг снова оказалась передо мной. Мало того, что она была совершенно спокойна, а у меня аж шею заклинило. Мало того, что у неё, оказывается, есть товарищ, а у меня нет. (В смысле подруги у меня нет, а у неё есть. То есть... в смысле... тьфу ты! Короче, она давно и регулярно трахается, а я – нет, если называть вещи своими именами!) Так она ещё и поедет на катере за границу к папе, а я вечно буду сидеть в этой пыльной конторе! Потому что у меня нет ни катера, ни папы, ни загранпаспорта, ни чего-то ещё, что есть у неё в характере.

Я открыл каталог и стал показывать ей, что есть у нас в наличии, что можно купить под заказ, что со скидкой, чем отличаются те шаланды от этих, потом открыл страницу, на которой

на весь разворот была нарисована «Нерпа», и вдруг спокойно (Откуда взялось?) сказал ей как бы между делами:

–А я вот на такой скоро тоже поплыву. На Гавайи и обратно. С корешком метнёмся туда-сюда, пляжик импортный потопчем.

Тататамара на секунду задумалась, всмотрелась в фото, и удивлённо произнесла:

–Это же подлодка! Она, поди, миллионов пятьдесят стоит!

–Не угадала чуток. Эта – девяносто, а та, на которой мы пойдём – сто тринадцать. Вторая модель, усовершенствованная. На метр длиннее этой.

–Ничего себе! – Тататамара поглядела ещё раз в каталог, зачем-то повернула его набок и как бы погрузила книжку с моей подлодкой в пучину, засунув под стол: – Буль-буль-буль-буль-буль! Да, это интересно. Ну, молодцы, что я могу сказать! Удачно вам обернуться! Потопчите там кого-нибудь импортного!

Она с бульканьем достала каталог из-под стола, перевернула пару страниц назад, и показала на фото нижегородской «Ракеты», попросила:

–Ну, мой папа сто миллионов мне пришлёт вряд ли, так что расскажи мне про вот эту красотку!

Про мою поездку она забыла за одну секунду. А вот Паша, сидящий за столом напротив, не забыл. Когда Тататамара ушла, взяв нашу визитку и пообещав когда-нибудь вернуться с мешком денег и купить у нас трёхпалубный круизный лайнер, он насмешливо, и даже как-то с омерзением в голосе, тихо спросил:

–Куда ты метнёшься?

–В Гонолулу! – так же тихо ответил я и понял, что обратного пути уже нет. – Что с собой брать кроме минералки?

Ночью мы угнали подлодку и поплыли в Гонолулу.

Часть вторая

Собственно, угнали – громко сказано. Обе «Нерпы-2» уже были спущены на воду, заправлены, заряжены, загружены и готовы для марш-броска на Сахалин. Вечером мы с Пашей съездили домой, взяли кто что (Носки, плавки, фотоаппараты, документы, минералку, зарядное для телефонов и др.), к одиннадцати вернулись в офис, взяли ключи от ангара, заградительной цепи и лодки, забрались в «Нерпу» с бортовым номером 38276, которую бородастые дядьки старательно утрамбовали консервами, и спокойно поплыли. Всё было буднично и тихо, как на обычных ходовых испытаниях, которые наша фирма проводит чуть ни каждый божий день. Было пасмурно, накрапывал тёплый дождик.

–В такую ночь обычно самураи канают вдоль границы у реки! – Пропел Паша, сидя в кресле командира и манипулируя джойстиком. – На Байкале мы с мамой плавали на «Тюлене». Фактически та же «Нерпа», только ныряет всего на двадцать метров, зато двадцатиместная. Короче – автобус экскурсионный. Я ещё тогда подумал, что сам бы смог ей управлять. Мечты сбываются, Вован! Надо только захотеть!

У меня было странное ощущение сна, нереальности. Я следил за навигатором, который давал все параметры движения: расстояние до дна, до ближайшего берега, курс в румбах и градусах, скорость в узлах и километрах в час, координаты с точностью до одной минуты. Маршрут мы разработали детально: сначала идём на север, проходим Лаперузом между Сахалином и Японией, а потом идём на юго-восток, обходим с севера Мидуэй, и упираемся в заветный пляж. Максимум – месяц плавания.

Метров через пятьсот после старта Паша тихо произнёс:

–По местам стоять к погружению! – щёлкнул тумблерами и шевельнул вторым джойстиком.

Лодка чуть наклонила нос, сверху что-то негромко побулькало, пошуршало, и снова воцарилась тишина, которую уместно было бы назвать гробовой, если бы не шелест вентиляторов да негромкий гул в аккумуляторном отсеке под полом.

–Выходим из бухты! – вскоре тихо доложил Паша. – Можно открывать шампанское и праздновать начало пу...

–Борт три восемь два семь шесть! Приказываем вам немедленно всплыть и выключить двигатель! – недвусмысленно произнёс динамик под потолком.

Паша в жёлтом свете неяркой диодной лампы посинел и замер с открытым ртом. А я сикнул в трусы. Да здорово так сикнул!

–Борт три восемь два семь шесть! Вы пересекли границу вашего испытательного полигона. Валите килькой обратно, пока я кавторангу не доложил! – довольно буднично, по-домашнему, произнес динамик.

Паша сидел в коме, и от вида его синего лица и отвисшей челюсти, а, может, от сырости в трениках, я, как ни странно, пришёл в себя, взял микрофон и почти спокойно произнёс:

–Это три восемь два семь шесть. Идём на Сахалин. Должны были идти завтра утром, но пришёл срочный вызов. Выход из бухты согласован, все документы у дежурного в порту.

–Борт... – начал было что-то говорить динамик, но я его выключил, повернулся к мумии друга, и взвизгнул:

–Паша! Газу до отказа! У нас час чтобы потеряться, или твой товарищ с эсминца нам на голову бомбу кинет!

Паша задышал, оттаял, и чуть ли не со слезой в голосе произнёс:

–Да, нету у меня там никакого товарища! Это я так, прикололся.

–Чё, никакого там ремонта? Никакой паутины? Чё, нас реально засекли? Сейчас накроют? Чё, это ты так прикололся? Чё, бомба на голову – это по-твоему – смешно? Чё вообще происходит?

Со мной случилась небольшая истерика. А когда я проревелся, хлебнул минералки и глянул на навигатор, то увидел, что до дна – четыреста метров, а до поверхности – сто. Что скорость – тридцать, курс – семьдесят, а на главном мониторе сквозь черноту вспыхивают какие-то зеленоватые огоньки и тут же гаснут, уступая место другим. Паша так и сидел в кресле капитана спиной ко мне, а перед ним горела зелёная надпись: «Автопилот включён. Маршрут задан». Я открыл дверь в свой кубрик, лёг на койку, пробормотал:

–Это пиндец какой-то! – и потерял сознание.

Через сколько ко мне вернулось чувство реальности – я понял не сразу. На моих командирских светящихся стрелки показывали два часа. То же приглушённое освещение в тёплых тонах, гул аккумуляторов под полом, зеленоватые стены, зеленоватые баллоны вдоль стен, зеленоватый Паша в кресле. Я сходил в туалет, умылся и сменил трусы. На шум Паша повернулся и спросил устало, с хрипотцой:

–Выспался? Я уж начал думать, что ты в спячку впал до самой Америки.

Я прислушался к голодному зову своего желудка и понял, что в отключке был не пару часов, как решил сначала, а все четырнадцать.

–Где мы плывём? – спросил я капитана скрипучим после сна голосом. – Жрать охота!

–Плывёт говно по трубам! – как заправский мореман поправил салагу Паша. – Мы идём по Японскому морю. Миль пятьсот уже прошагали. Я тоже малёк дреманул, а так всё сижу в окошко гляжу. Красота просто неописуемая!

–Не в окошко, а на главный монитор! – не остался я в долгу.

На главном мониторе красота была неописуемая: темнота полная без намёков на то, что экран вообще работает.

–Гляди! Фокус! – Паша щёлкнул переключателем – и экран засветился тёмно-серым фоном, по которому то и дело мелькали светло-серые силуэты кальмаров величиной с морковку.

Мне хватило пяти минут, чтобы насладиться этой картиной на всю оставшуюся жизнь. Серые кальмары на сером фоне или просто серый фон без кальмаров. А Паша смотрел на экран, почти не мигая. Думаю, он ждал, что сейчас из глубины вынырнет что-то такое, чего никто до нас не видел. Но сонар спокойно посылал и принимал свои еле слышные сигналы, которые рисовали на дополнительном мониторе космическую пустоту перед нашей лодкой на пять километров по курсу.

Мы открыли по банке рисовой каши с говядиной, и принялись за обед. На вкус «консерва» оказалась так себе, но выбирать было не из чего. У нас в каюте был только ящик каши, галеты и вода. Остальная провизия болталась в кузове, и чтобы достать джем или ленивые голубцы, пришлось бы всплывать на поверхность. А сделать это мы планировали только тогда, когда обогнём Японию, пройдем Курилы, и выйдем в открытый океан. Лодка могла идти под водой на аккумуляторах трое суток, потом требовалось четыре часа солнечных ванн или час работы дизеля.

На вторые сутки плавания Паша сменил курс. На глубине восьмидесяти метров мы прошли Лаперузом между Японией и Сахалином, на третьи сутки миновали Курилы, и батарея намекнула нам, что пора бы ей подзарядиться. За это время мы с товарищем обсудили все новости, пощёлкали всеми тумблерами, посочувствовали геологам, которые из-за таких как мы засранцев теперь не найдут на шельфе очередное месторождение газа. Высказали предположение, что нас преследует эсминец, а, возможно, два: наш и японский, а также, что наших мамок отправили в Сибирь на вечное поселение, квартиры конфисковали, а на Гавайские острова выслали женскую группу интерпола для нашей поимки. Сонар дважды тревожно кричал, на эхолоте мы видели очертания то ли кита, то ли касатки, но звери за километр обходили нашу посудину, и на экране оставался серый фон с редкими кальмарами, какими-то рыбёшками и медузами. Паша взял с собой электронную книгу и читал повести Бадигина, а я играл на мобильнике то в змейку, то в тетрис, пока от них не начало тошнить. Ещё я спал и ел мгновенно надоевшую кашу.

Через трое с половиной суток, ровно в полдень, мы всплыли, поскольку батарея показывала заряд пять процентов, воздух становился душливым, а скорость упала до восемнадцати километров в час. (Конечно, как заправским морским волкам, нам полагалось мерить скорость в узлах, но эта мера как-то не укладывалась у меня в голове. Я всё время представлял себе толстую верёвку с многочисленными узлами, которые, да простят мне каламбур, никак не вязались с понятием скорости.) Короче, мы всплыли, открыли люк, и впервые с момента побега из-за железного занавеса увидели небо, солнце, и глотнули действительно свободного воздуха. Погода была просто на заказ. Небольшие облачка общей картины не портили. Солнце и тёмный океан под ним. Ни кораблей, ни земли на горизонте. Немного штормило, брызги залетали на нашу крохотную, с письменный стол, палубу. Мы подняли сетки-перила и развернули солнечную антенну площадью десять квадратных метров, подключив её кабелем к герметичному разъёму возле люка. Теперь приходилось просто ждать четыре часа. Вокруг, сколько хватало взгляда, шевелился великий океан. Было ощущение, что мы находимся ниже его уровня, в какой-то вмятине в воде. Нас плавно, как на детских качелях, то поднимало вверх, то опускало вниз. Всё было величественно, однообразно, надоедливо, и быстро приедалось. Паша ещё мог восхищаться одной и той же картинкой несколько часов подряд, а вот у меня не получалось. Я обычно гляну – ах! – и пошёл дальше. Вот и тут: глянул, ахнул, а больше глядеть не на что! И идти некуда! Из всех развлечений – океан, тетрис и пашина рожа, которая мне на тот момент уже изрядно примелькалась. Мы достали из кузова ящик рыбных консервов, банки с джемом и сгущёнкой, рассовали всё это по сундукам около коек (Сундуки были стилизованы

под старинные морские, с навесным замком и плоской откидной крышкой вроде как из горбыля, окованного медью. Хотя колушни – везде армированный тоненький негорючий пластик.), еле дождались, когда зарядка батареи достигла девяноста двух процентов, свернули антенну и перила, погрузились на двадцать пять метров и пошла дальше на юго-восток, забив в бортовой компьютер координаты пункта назначения. Потянулись тупые дни и ночи.

В иллюминаторе (То бишь – на главном мониторе.) текла интенсивная подводная жизнь. Проносились стайки мелких рыбок, проплывали одиночные рыбы покрупнее, иногда встречались автомобильные шины, пластиковые пакеты, бутылки и прочий мусор. Ни тебе гигантских кракенов, ни акул – людоедов, ни подлодок, ни инопланетян. Короче, ничего из того, чем просто кишел океан на американском приключенческом канале. Главным приключением оставалось всплытие и зарядка батарей. Мы пару раз всплыли ровно в полдень. Малость штормило, солнца не было видно за облаками, термометр показывал температуру воздуха плюс пятнадцать, так что нам пришлось ставить антенну под дождём. Брызги перелетали через лодку, мы мгновенно промокли до нитки, потому что ни дождевиков, ни зонтиков не взяли. (Сами не сообразили, а в кино про море и пляж дождя не было никогда.) Хорошо, что нашим антеннам было почти без разницы – есть солнце или нет. В такую хмарь они заряжались всего минут на двадцать дольше, чем при ярком солнце. А вот мы разницу чувствовали хорошо. Потому что, вымокнув при установке антенны насквозь, мы заdraивали люки и тупо убивали четыре часа, уставившись на табло над батареей, наблюдая, как зелёная зона мало-помалу вытесняет красную. (Паша каждые пять минут подходил к табло, возюкал по нему пальцем, и кричал что-нибудь типа: «Да шевелись ты, черепаха!» или: «Может, зонтик наш сдуло уж?») За это время мы почти успевали высохнуть, а потом лезли на улицу убрать «зонтик», где снова мокли. Потом переодевались в сухое, а мокрые шмотки развешивали сушиться. Сначала хотели работать в одних плавках, но даже я быстро замёрз, а про Пашу и говорить было нечего: он посинел за три минуты, а потом несколько дней подряд сморкался и чихал. Вот тебе и июль! Но мы утешали себя мыслью о том, что уходим всё южнее, и скоро будет тепло и безоблачно.

Через десять дней я разбил свой телефон об пол, потому что ни на тетрис, ни на змейку смотреть уже не мог. От нечего делать я даже сделал то, чего не делал никогда в жизни: помыл пол и протёр пыль. Сначала, как обычно, нарисовал на пыльном столе квадратик (Я дома всегда на пыли рисовал квадратики, а мама потом всё протирала и мыла.), а потом, удивившись самому себе, налил в ведёрко немного воды из опреснителя и произвёл влажную уборку помещения. Дышать стало легче! И подумалось: бедная мама! Ведь она это делает каждую неделю всю жизнь!

Паше было несколько проще: он много читал. В итоге я попросил его почитать мне вслух. Но Паша ещё день втихую дочитывал повесть Бадигина «Секрет государственной важности», заявив, что мне такое будет неинтересно, а комиксов про супермена у него в книге нет. Мы поругались. Я доказывал ему, что, плывя в другое государство, он мог бы закачать себе в книгу хотя бы его гимн и конституцию, или классиков великой американской литературы. Ну, там, Марка Твена, Теодора Драйзера, Омара Хайяма, Генри Киссенджера...

–А чё ж ты всю жизнь готовился жить в Америке, а гимна их так и не выучил? – парировал он. – Чё ж Твена своего не читал?

–Я вообще читать не любитель, – сказал я, – мне видеоряд проще усваивать. Как на уроках

экономики! Поэтому я кое-какие экранизации американские смотрел, спектакли, мюзиклы. Через Джонни.

–Что за Джонни? – удивился друг.

До следующей заправки батарей делать было нечего, и я стал Паше рассказывать про Джонни. Реакция друга была от: «Да ну нафиг, не прикалывай!» до: «И ты никому ничего про это столько лет не рассказывал!?!». Паша был в полнейшем удивлении. Он то пристально

смотрел на меня, словно впервые видел, то ходил по кубрику из угла в угол по два широких шага в каждую сторону. Поужинали одной банкой каши на двоих: больше в нас консервы уже не лезли. Мало того, что мы обросли молодыми бородками и длинными ногтями (Про ножницы тоже как-то не подумали.), начинали плохо пахнуть, хоть и споласкивались в раковине как получалось, так ещё и на горшках сидели по часу после всех этих каш и джема с сухарями. (Паша это называл утренними упражнениями.) Я закончил живописание моего лучшего друга детства тем, как мама утопила его труп в море, завернув в грязный мешок из-под картошки.

–А откуда он у твоей мамы взялся? – спросил Паша. – Негр этот педальный.

–Ей его подарил один студент из Нигерии.

Паша подумал чуток, дожеввал сухарь, и задумчиво заговорил:

–Давай рассуждать логично! Твоя мама тебя родила, когда ей было двадцать восемь лет. То есть года через два-три после окончания университета. То есть, она была ещё молодым специалистом. Плотно общаться с дальним зарубежьем она тогда ещё не могла. Ей бы поручили, скорее всего, с местными ребятами работать. В крайнем случае – с ближним зарубежьем. С теми, кто попроще. Ну, там – Китай, Индия, Иран, Болгария. Так, откуда у неё взялся парень из Африки? На том направлении работают только лет через десять после окончания ВУЗа. Ведь Африка – это чужая вотчина. Другая цивилизация! Там шпионов разных полно, язык другой. Не ходите, дети, в Африку гулять! Не слышал? Надо было на политинформации ходить в школе! У нас с чёрным континентом контакты крайне ограничены. У твоей мамы в такие молодые годы никак не могло быть подопечного из Африки! И потом, ты говоришь: она тебе сказала, чтоб никому про робота не рассказывал, чтоб его не украли? У нас что, квартирные кражи так популярны? Ты помнишь хоть одну? Лично я – нет. С каких это пор купили вещь, спрятали, и не показывают, чтоб не украли! Зачем вообще тогда покупать? Сказки какие-то! Ах, робота подарили? Такого дорогого – и подарили? У него ценник небось с пятью нулями! И часто твоей маме её подопечные такие дорогие подарки дарят?

Его вопросы были так просты, лежали на такой поверхности, что я даже удивился: почему они мне никогда не приходили в голову?

–Если честно, то не часто, – тихо пробормотал я, – если честно, то я вообще не припомню, чтоб хоть что-то ещё дарили, кроме конфет. Действительно странно.

Паша ещё что-то говорил на тему моего робота, потом плавно перешёл на роботов Роберта Шекли, и вообще на фантастику двадцатого века, которая не угадала ровным счётом ничего из того, что с умным видом пыталась предугадать. А я, сославшись на покакать, ушёл в свой кубрик, сел на холодный стальной горшок и задумался. И чем больше я думал, тем страшнее мне становилось. Ведь, если кого-то ты поймал на лжи, то веры этому человеку уже нет ни в чём. Если мама ставила надо мной какой-то секретный опыт, то какую роль играл в нём робот? Сомнения крутились в голове и занимали там те места, где их раньше не было. Я нутром чувствовал, как мысли пробивают какую-то ранее неприступную стену, разделявшую части мозга, залетают туда и говорят друг другу: «Ба-а-а! Да тут вообще ничего нет! Мы вообще – где? В голове или в заднице? Этот типчик раньше мозгами, видимо, не пользовался? Пустота Торичеллиева!» И обрывки воспоминаний, нарушая хронологию, начинали выпрыгивать из тёмных подвалов и пыльных кладовок, выстраиваясь не по росту или весу, а как придётся. Американский президент знает меня по имени! (Откуда? Он что, знает всех детей в мире по именам?) Все американцы молоды и красивы! (Ни одного старика со старухой! Куда же их всех дели? Или эта нация так продвинулась, что уже не стареет?) Америка борется с русскими террористами в Эквадоре! (А мнение Эквадора на эту тему где?) Наш президент Стариков всё время говорит глупости и обкакивается! (А их Буш говорит только умности, и в задницу чопик забил?) И мысль, которая повергла меня в окончательный шок и нервное расстройство: я не помню, чтобы у меня была аритмия, пока Джонни её вдруг не обнаружил! А если он её не обнаружил, а вызвал её у меня? Ведь вскоре после его смерти приступы почти прекратились!

Я залёг на койку и двое суток лежал, почти не вставая. Только думал и бредил. И каждые два часа переворачивал свою маленькую подушечку, потому что та промокала от моих слёз. Слёзы катились сами. Я ныл от жалости к самому себе и понимания того, что из меня сделали инвалида физического и морального. Что моя мать и мой друг детства оказались врагами, и что я стал частью какого-то заговора, смысла которого я не понимал, но чувствовал, что и в плавание я отправился не потому, что до поноса любил Америку, а потому, что кому-то это было надо. А вот кому и для чего – до меня не доходило.

А через три дня мы всплыли по ошибке ночью. Видимо, третья неделя путешествия так ушатала наши мозги, настолько мы оуптели (Паша – от своего дурацкого Бадигина, я – от дурных мыслей и предчувствий.), что перепутали полдень с полночью. Паша перед этим несколько раз начинал читать вслух «Корсаров Ивана Грозного», но выглядело это примерно так: «Царь Иван Васильевич ворвался в опочивальню жены своей Марии Темрюковны, заложил дверные засовы и в изнеможении прижался к стене». Хрррррррр... Псссссссс... Хрр – это моё, а псс – пашино. Максимум, на что хватало одного из нас – две страницы. Причём, как я с ужасом понял, – сам читать художественную литературу, да ещё вслух, я не могу. Для моего мозга с непривычки буквы и слова не складывались в единую картинку, представить действие не получалось. Я просто воспроизводил отдельные звуки, не понимая смысла прочитанного. Как сказал мне Паша – кто до пятнадцати лет не научился читать – останется неграмотным навсегда. От этих слов мне вновь стало страшно так, что подушка промокла за пять минут. (Джонни делал из меня дебила! Маме был нужен сын-дебил? Но зачем?)

И вот, я глянул на свои стрелочные часы, потом – на табло, (Двенадцать часов и восемь процентов.) – и сыграл полундру. Мы всплыли с пятидесяти метров, глянули в монитор и обалдели. Экран вначале показался совершенно чёрным, и мы струхнули, что нашей видеокамере нарисовался каюк. Но потом с объектива сползли последние струйки воды, и мы ахнули. Столько звёзд на небе мы не видели никогда! Без лишних слов мы открыли люк и выбрались на палубу. Задрали головы и остолбенели. Миллион звёзд – это как раз про небо над нами. Я когда-то давно смотрел передачу про космос, и там говорили, что звёзд на небе – как песчинок на пляже. Тогда я сразу подумал про американский пляж и девок на нём, и вот теперь я смотрел в эту чёрную бездну, набитую звёздами до отказа, и от ощущения своей мизерности и глобальности вселенной рушилось всё, что до этого я считал большим и значимым.

–Живём на песчинке какой-то, оказывается! – прошептал Паша, словно уловив мои мысли.

Океан был тих. Нашу скорлупку немного покачивало, волны плюхались у борта, но делали это тихоночко, чтоб не сбить с мысли двух ненормальных. Дул тёплый ветер, пахнущий водорослями. Вдруг раздался какой-то низкий утробный звук, и примерно в километре от нас в океан выплеснули большое ведро воды.

–Кит! – догадался я.

Вскоре звук повторился ещё два раза подряд, и всё стихло. Только из-под воды что-то немножко потрещало и поскрипело.

–Да не один! – прошептал Паша.

О вечном так долго я никогда не думал. Я вообще, оказывается, не умел не только читать вслух, но и думать про себя. А тут я напряжённо думал больше часа! Мне неожиданно стало интересно взять мысль и развить её. Посмотреть на объект и проанализировать его, вспомнить всю информацию о нём, составить своё мнение. Про космос, про то, кто и когда создал вселенную, солнце, землю и жизнь на ней. Про спутники, которых мы с другом насчитали за час с полсотни. Про китов, которые, оказывается, прямо тут, в океане рождаются, живут, любят, ненавидят, воспитывают детей и умирают. Или киты только любят, а ненавидят других только люди? Им, китам, проще: у них нет чата. Они общаются вживую и не проглатывают язык, когда видят китиху в голом виде. Короче, шея у меня через час затекла, а долго любоваться чем-

либо у меня как-то не получается, я об этом уже говорил. Я и так поставил личный рекорд по любованию и осмыслению одного объекта, пусть даже такого большого, как вселенная. Единственное, о чём я ещё подумал, спускаясь внутрь – что столько звёзд над моей головой бывает каждую ночь. А увидел я их сегодня впервые в жизни! И когда увижу в следующий раз – неизвестно. Всегда нам не хватает времени на какую-то пустяковину, которую, кажется, сделать легко, а руки не доходят годами. Я вспомнил передачу про свиней, где ведущий сказал, что свинья никогда не смотрит в небо, а только в корыто. Кем же я был все эти годы?

До утра мы болтались на поверхности, открыв люк, чтоб не задохнуться. Атмосфера в лодке и при хорошо работающих кондиционерах была такая, что зайди после неё в конюшню – и будешь дышать полной грудью и радоваться свежести, а уж при разряженных батареях можно было и вовсе уснуть и не проснуться. (Я никогда не предполагал, что человек так плохо пахнет! А мыться было проблемно: прыгать в океан – очково. Мыться в раковине забортной солёной водой – будешь весь в белых корках. Мыться водой из опреснителя – значит расходовать энергию батарей не на движение, а на опреснитель. Такая вода текла тоненькой струйкой и была невкусной. Это путешествие вообще многое мне открыло. Например, в закрытом пространстве наши биоритмы перешли на тридцатичасовой режим: спали мы часов двенадцать, потом бодрствовали часов восемнадцать. И чем меньше общались друг с другом, тем меньше нуждались в таком общении. Поплавай мы год – вообще, мне кажется, перестали бы друг друга замечать.)

На восходе поставили мачту с зарядкой. Погода была, наконец, такая, что можно было спокойно загорать. Что мы и делали ровно четыре часа, пока батарея не зарядилась. (За время путешествия мы ни разу не включили дизельный двигатель по той простой причине, что геологи нам его не заправили, а самим покупать, а потом таскать почти тонну соляры было дорого и слишком подозрительно.) Мы очень надеялись, что в следующий раз заряжать батареи будем только на Гавайях. Вчера мы прошли севернее острова Мидуэй, и теперь двигались вдоль Гавайского хребта к острову Оаху, целясь в какой-нибудь пляж поближе к Гонолулу. В голове не укладывалось, что мы почти у цели. Правда, минералка была на исходе, а консервы давно не лезли в горло. Мы выглядели почти как Пашина соседка – пьяница: нечёсанные, небритые, нестиранные. Меня не покидала мысль, что обратно плыть нам не придётся. Что нас впереди ждёт не пляж с красотками. Что эти три недели плавания были последними неделями спокойствия, которые я буду вспоминать как жизнь в раю. Если есть шестое чувство, то оно стучалось мне в голову и говорило: «Вова, японские твои колёса! Руль на сто восемьдесят градусов поверни!» Я даже озвучил эти предательские мысли другу, и тот, прямо скажем, не ответил категорическим «Нет!». Видимо, он тоже что-то предчувствовал, но перспектива получить по едалу от бородатого геолога, а потом загреметь лет на десять за угон лодки его пугала больше, чем неизвестность прекрасной Америки. Поэтому мы позагорали, пока зарядка не показала все сто процентов, свернули антенну (Ставили и сворачивали мы её уже с закрытыми глазами за шесть минут.), нырнули на двадцать пять метров и двинули на Оаху.

Последние два дня подводной одиссеи были самыми утомительными. Паша сказал, что у Немо в его «Наутилусе» места было больше и порекомендовал мне физическое упражнение российских подводников: рассыпать по кубрику коробок спичек, и потом собирать их по одной. Я сказал, что спичек у меня нет, но могу по пашиному кубрику раскидать пачку спагетти. Их в кузове было две здоровенные коробки. Место занимали много, варить их было не на чем, а выкинуть – жалко. (В Америку мы ещё везли нераспакованными индийский чай, соль, кофе, рис и гречку. Как будто в голодный край ехали!) Ещё обсудили моего Джонни. Паша горячился и доказывал, что этот робот сделан для проведения опытов над крысами, но по какому-то недоразумению попал ко мне домой. Я по привычке, сначала заступался за педального, но факты были слишком очевидны. Если я просто фанател от всего американского, а остального в упор не видел, то Паша ехал в Америку просто потому, что это – грэйт кэпиталист кантри, а тут и я со своей идеей сгонять в штаты под руку подвернулся. Если бы я фанател от Японии,

то Паша поплыл бы и туда с не меньшим удовольствием. Хотя в Японии сейчас делать нечего: острова медленно, но верно уходят под воду, ядерными отходами загадили целые префектуры, народ вымирает и, того гляди, рванёт на своих лодках на Сахалин, в Шанхай или Сеул. Так что Корея и Китай свои берега давно и густо заминировали на случай наплыва гостей.

И вот, настал исторический момент, когда наш навигатор объявил, что мы прибыли на место. Наш суммарный пульс в эту минуту, думаю, был не меньше трёх сотен. Было страшно от полной неизвестности и понимания, что сейчас закончится один период в жизни и начнётся другой. Мы оба надеялись, что – интересный.

Часть третья

До острова оставалось пять километров. Мы решили всплыть, чтобы не пугать местных пограничников и отдыхающих. Ещё подумают, что к ним приближается лодка с террористами! Мы всплыли и увидели землю. На горизонте поднимались высоченные горы. Вот он, рай! Паша направил лодку прямо к берегу. И вскоре мы разглядели пляж. Это был настоящий гавайский пляж! Пальмы, песок, голубое небо с небольшими облачками. Мы стояли на палубе и не верили глазам. Лодка на малой скорости подошла к берегу и ткнулась пузом в песок. Пришвартоваться как-то иначе у нас не хватило фантазии. Якоря на лодке нет, канат цеплять не за что, причалов не видно, да и народу – никого. Мы постояли на палубе ещё минут двадцать, вглядываясь в берег. Никого! Только теперь нервное напряжение стало понемногу отпускать, и мы начали замечать детали. Во-первых, в носу засвербило от стойкого запаха то ли серы, то ли мазута, смешанного с вонью гниющей рыбы. И источник этого запаха не пришлось искать долго: вся линия прибрежья была чёрно-коричневой от нефти. Она, как рванный матрац, покрывала весь пляж. Из неё тут и там торчали автомобильные крыши, сломанные вёсла, пластиковые стулья, ещё какой-то мусор, а прямо перед нашей лодкой в воде плавал дохлый баклан. Дна видно не было, вода оказалась грязно-серого цвета. Мы молча стояли и наблюдали, как волна прибила баклана к носу нашей лодки. Он шевелил раскрытыми крыльями, опустив голову в воду, весь в нефти и тине.

–Что тут произошло? – спросил я, чтобы хоть что-то сказать. – Может, пока мы плыли, неподалёку танкер какой-то затонул?

Паша повернулся, глянул в сторону океана, даже привстал на цыпочки. Танкера не было. Не было вообще ничего и никого кроме жухлых пальм метрах в пятистах от берега, да отравленного пляжа.

–Короче, надо идти в разведку. В любом случае тут должны быть люди. Может хоть кто-нибудь подскажет, как позвонить в редакцию местную! – Сказал Паша, из специального отверстия на лодке извлёк аварийную резиновую лодку, дёрнул за шнурок – и лодка надулась за несколько секунд.

Я подал ему вёсла и тоже приготовился сесть в лодку.

–Не, ты оставайся! Вдруг домик наш унесёт – лови его потом! Ставь парус и заряжай систему! Я пробегусь по окрестностям – и назад. Тут весь остров – меньше Владивостока. Не думаю, что здесь вообще никого нет. Странно всё как-то! Ну, с богом! Встречай, Америка, русского первооткрывателя!

Он в несколько гребков достиг берега, лодочка ткнулась носом в мазут и застряла. Паша снял шлёпанцы, вылез из лодки и увяз по щиколотку.

–Ну и вонища тут! – крикнул он мне. – Заряжай быстрее батарейки! Думаю, валить отсюда надо в темпе.

Он вытащил лодку из воды и побрёл к пальмам, неся босоножки в руках, чавкая ногами в грязи и ругаясь. А я слазил за нашим солнечным покрывалом, вытащил его на мостик и стал крепить штанги и растяжки. Поэтому самого взрыва не видел. Просто сначала услышал уже далёкий пашин голос:

–Слава богу, вылез из этого навоза!

И сразу хлопнул взрыв. Я повернулся и увидел, как мой товарищ, согнувшись, лежит на песке, а над ним рассеивается облачко дыма примерно как от новогодней петарды. И ещё я разглядел, что Паша держится за правую ногу ниже колена, а ещё ниже должна быть ступня, но я никак не мог её разглядеть. То есть мои глаза сразу увидели, что ступни нет, но мозг отталкивал эту невозможную мысль. Потом я увидел, как друг сел, продолжая держаться обеими руками за ногу, и поглядел в мою сторону. Из моего нутра вырвался дикий крик. Я не мог остановиться и орал, тупо глядя в сторону берега. Незакреплённая солнечная батарея сложилась пополам, наклонилась, упала, и прищемила мне четыре пальца на левой руке. Я дёрнул руку, ободрав кожу до мяса, посмотрел на кровь на руке, потом на Пашу, спрыгнул в люк, схватил аптечку «Для оказания первой помощи на водном транспорте», пулей вылетел из лодки, прыгнул в воду прямо в спортивном костюме и сандалиях и стал грести как сумасшедший. И пока плыл, пока бежал, проваливаясь по щиколотку и спотыкаясь, всё время кричал:

–Паша, я иду! Паша, держись! Грёбаная Америка!

Не кричать я не мог. Дыхание давно сбилось, я хватал ртом отравленный воздух и выдыхал:

–Паха, держись! Суки! Падлы! Паха, я сейчас!

Я подбежал к другу, упал на колени и раскрыл аптечку. Прямо наверху лежал толстый красный жгут. «Какие умные люди упаковывали!» – мелькнуло в голове. Я схватил жгут и стал перетягивать пашину ногу ниже колена, приговаривая:

–Паха, сейчас! Грёбаная мля Америка! Паха, прорвёмся!

Паша откинул голову назад, глядел в небо и был белый, как простыня. По его лицу катились капли то ли слёз, то ли пота, волосы прилипли ко лбу. Обеими руками он сдавливал ногу, сдерживая кровопотерю. Ступни у него не было, из штанины торчала белая кость, закиданная песком, клочками висело мясо, капала кровь. Я задавил жгутом его ногу как мог, достал бинт и на секунду остановился. Пока я возился со жгутом, то на рану старался не смотреть. А вот теперь от этого было уже никуда не деться. Я разорвал упаковку, достал стерильный чем-то пропитанный бинт (Он лежал сразу под жгутом. Какие же умницы делают аптечки первой помощи!), и дрожащими руками стал забинтовывать рану. На мгновение я с силой зажмурился и подумал: сейчас открою – и это окажется сном! Открыл глаза, поглядел вправо и увидел маленькую воронку рядом в песке, и что-то бело-красное в её центре. К горлу подкатило, я отпрыгнул в сторону и меня вывернуло. Блевать было нечем, за последние сутки я съел всего несколько галет с каким-то повидлом, так что организм был пуст и весил, кстати, заметно меньше, чем три недели назад. Я повернулся к раненому и увидел, что он смотрит на меня с жалостью.

–Ничего, я сейчас! Я справлюсь! Главное – ты держись! Вот же козлы! – забормотал я, снова берясь за бинт.

Бинт тут же пропитывался кровью, и я толком не знал, то ли продолжать бинтовать, то ли брать новый. Но ручьём она не лилась, и я решил домотать этот пакет. Худо-бедно, но с задачей я справился. Нога была забинтована, а поверх бинта я ещё на всякий случай напялил сеточку. А вот что делать дальше? Я в нерешительности огляделся. Мозги работали лихорадочно: то ли бежать за подмогой? Но куда? То ли тащить раненого в лодку? А как? Пока я раздумывал, Паша расцепил зубы и простонал:

–От боли нет ничего? И попить бы!

Сразу под бинтами и ватой лежала упаковка с маленькими шприцами. Пять штук с крохотными иголками-волосочками и надписью «Антишок». Только теперь я разглядел инструкцию, приклеенную на внутреннюю сторону крышки аптечки с перечнем всего, что находилось в этом волшебном сундучке, а внизу скромная надпись: «Сделано в Новосибирске. Упаковщик – Алякринский М.А.». Господи, какие же умницы живут в этом Новосибирске! Проблема была

только в том, что уколы я никогда не делал! Я поглядел на Пашу. Тот, видимо, мою проблему, понял, и только прошептал, морщась:

–Коли! Спасу уже нет никакого!

Он застонал и завалился на спину, судорожно держа искалеченную ногу, хотя его пальцы уже разгибались.

Я достал шприц, свинтил колпачок с иголки, и спросил:

–Ты не знаешь, куда надо колоть?

–В плечо коли! В мышцу! – ответил Паша, не открывая глаз.

Пальцы у него разжались, он стал распрямляться и застонал, коснувшись раненой ногой земли. Я подставил аптечку ему под колено, сунул не глядя шприцом в плечо и нажал на кнопку. И только потом рискнул посмотреть на результат. Как ни странно, шприц попал туда, куда надо. Через минуту друг открыл глаза, поглядел на меня, на небо, и достаточно спокойно, хотя и хрипло, произнёс тираду:

–Ты видел, как умирают коты, Вова! Я видел. Они умирают молча. Уходят куда-нибудь в подвал, в кусты, забиваются туда, где никто не видит их страданий, и умирают. Без сцен, без вызова скорой помощи, без завещания, потому что завещать нечего. Им и помирать-то просто, потому что ничего не нажили. Ничто их тут не держит, не по чему рыдать. Кот сам никого не жалеет, и его жалеть не моги. Он кот потому что! Кот. Кот... Ему лапу оторвали... сволочи американские... хоть бы табличку повесили...

Я не успел никак среагировать на то, что товарищ то ли уснул под действием лекарства, то ли потерял сознание от кровопотери. Из-за мыса на большой скорости вылетели два катера-плоскодонки с пропеллерами типа огромного вентилятора. На каждом катере сидело по четыре солдата. На носу катеров стояли большие чёрные пулемёты. Первый катер направился в сторону берега, другой причалил к нашей лодке. На палубу перепрыгнул парень с автоматом, что-то крикнул в открытый люк, потом спрыгнул внутрь. Первый катер причалил к берегу, и кто-то крикнул нам по-английски, но с акцентом:

–Сюда бегом! Кто такие? Японцы? Бегом, руки вперёд, оружие оставить! Или стреляю!

–Мы русские! Тут раненый! – заорал я им по-английски, хотя тут же понял, что орать бесполезно: у солдат над ухом гудел вентилятор, да и разговаривать с нарушителями в их обязанности вряд ли входило.

Я поднял Пашу и понёс его через месиво к катеру. В этот момент из нашей подлодки выскочил солдат, и крикнул своим:

–Это не японская лодка! Ни одного иероглифа!

Я подошёл почти вплотную к катеру и повторил:

–Мы русские! Студенты! Тут раненый!

Один из морпехов направил на меня автомат, а другой – станковый пулемёт.

–Японцы? Что тут делаете? Шпионы?

–Мы русские! Из России! Приплыли поглядеть Америку. Товарищ подорвался на mine. Помогите ему быстрее! Пожалуйста!

Морпех что-то крикнул на второй катер, потом достал рацию и с кем-то пообщался. Я всё это время стоял по щиколотку в мазуте, держа на дрожащих руках Пашу, который запрокинул голову и перестал подавать признаки жизни. Я только видел, что на его шее ещё бьётся пульс.

–Ты иди сюда! Труп бросай в воду! – приказали мне с лодки.

–Он живой! Он не умер! Он раненый! Тут у вас мины на пляже! – заорал я, с ужасом представив, как я бросаю товарища в вонючую жижу.

–Бросай его в воду, сам сюда! Руки вперёд! Оружие оставь! Или стреляем!

–Да хер ты угадал, козлина тупая! – по-русски в сердцах сказал я, а по-английски добавил: – Этот человек – конструктор подводных лодок. Он очень любит Америку. Я тоже очень

люблю Америку. Очень хотели к вам уплыть на своей лодке. И подорвались на mine. Его надо вылечить! Он – учёный. Я его не брошу!

Старший опять переговорил с кем-то по рации и гавкнул:

–Давай сюда!

Я подошёл к катеру и положил товарища на дно. Катер дал задний ход, на меня дохнуло горелым маслом, и не успел я руками развести, как плоскодонка скрылась за мысом. Я остался стоять по колено в грязной взбаламученной воде. Возле моих ног колыхалась целая стайка дохлых мальков с огромными глазами и пластиковый пакет из-под молока, судя по жизнерадостной короле на этикетке. Солдаты из второго катера ещё минут двадцать шарились внутри нашей подлодки, потом захлопнули люк и подплыли ко мне:

–Руки вперёд или стреляем! Не бегай, если не хочешь наступить на мину! Откуда прибыли?

–Мы из России! Давно хотели в Америку съездить! Сами сделали лодку и приплыли. Мой товарищ – инженер. Его надо в госпиталь! Тут кто-то мину закопал!

Главный достал рацию, тоже долго что-то с кем-то обсуждал, постоянно повторял: «Да, сэр! Нет, сэр!», потом тыкнул пальцем в меня, затем в лодку:

–Японец, бегом сюда! Руки вперёд или стреляю!

Я вытянул вперёд руки и увидел, что левая – сильно ободрана и в моей крови, а правая – в пашинной. Потом залез в катер и хотел сесть, но меня поставили, как собаку, на четыре кости между двух солдат, сняв предварительно с руки часы и похлопав по карманам, и предупредили, чтоб не двигался, или они стреляют. Взыл вентилятор, и мы поскользили над бухтой. Я поднял голову, глянул на нашу серебристую из нержавеющей стали подлодку, на удаляющийся пляж, и заплакал. Тихо так заскулил. Чтоб не застрелили.

Плыли мы недолго. Минут через десять катер сбросил обороты, и мы подошли к такому же пляжу, только без нефти на берегу. Метрах в ста от воды стоял серый джип с пулемётом на крыше и большой белый пикап с проржавевшим капотом. Кузов пикапа был забран решёткой из ржавой арматуры. Меня вытолкнули из лодки и повели к машинам. Оказывается, те стояли на гравийной дороге, которая тянулась вдоль берега и уходила вверх, за гору, поросшую пальмами. При нашем приближении (За мной шли два солдата с автоматами. Правда, автоматы у них были за спиной, они просто иногда толкали меня в спину кулаками.) из пикапа вылез толстый водитель и распахнул дверь в клетку. Я залез в кузов. Дверь, тоже из арматуры, за мной со скрипом закрыли, повесили огромный навесной замок, солдаты пошли обратно к катеру, а обе машины двинулись вглубь острова. Я сел на железную скамейку, ухватился за арматуру, потому что дорога была вся в промоинах и машину сильно качало, и стал смотреть по сторонам. На душе не было ничего. Я не понимал – где я и что происходит. Всё моё существо занимало какой-то тихий ужас, который застилал все остальные чувства и мешал даже смотреть – не то что соображать. Может, организм так защищался от неблагоприятного внешнего воздействия? Не знаю. Но от всего пережитого я вдруг сильно захотел спать. Глаза стали слипаться, невзирая на жару и тряску, я зевал каждые десять секунд. Захотелось лечь хоть на пол и попытаться подремать, но я только теперь разглядел, что пол был весь в навозе соломе. Видимо, меня везли в свиновозке.

Машина рычала, забираясь всё выше в гору, впереди ехал джип с пулемётом, хотя, как я успел заметить, кроме водителя в машине никого не было. Так продолжалось почти час. Мы забрались на перевал, с которого открылся красивейший пейзаж вечернего океана. Сквозь ржавую решётку и склеившиеся ресницы я полюбовался этим раем на земле и хотел заплакать по себе любимому, но не смог. Я постоянно думал про Пашу, про то, какой я идиот и что я натворил из-за любви к Америке, и приходил к выводу, что если меня сейчас поставят к стенке и дадут очередь из вон того здорового пулемёта, то это будет, конечно, больно, но, по большому счёту – справедливо.

Машины поехали вниз. Завоняло горелыми тормозами, океан скрылся за горой, вокруг тянулись только зелёные холмы. Вскоре мы подъехали к шлагбауму. По сторонам, сколько хватало глаз, шёл бетонный забор, натянутый поверху колючей проволокой, перед КПП возвышались две башни метров по пять высотой, на которых стояли прожектора и пулемёты. Вдоль забора через каждые метров пятьдесят из земли торчали жёлтые таблички с черепом и надписью «Мины». Шлагбаум без промедления пошёл вверх. К нам даже никто не вышел. Мы въехали на территорию какого-то военного лагеря и проехали больше километра, прежде чем остановиться возле железного ангара. К нам подошли двое здоровенных вояк (Что жопа, что плечи одного обхвата, и одежда из магазина «Богатырь»), жестом приказали мне вылезать, открыли дверь ангара и втолкнули меня внутрь. Щёлкнул замок, и я остался один в темноте. Под потолком, проходящим метрах в трёх, находилось несколько зарешёченных окошек. Другого освещения не было. В нос ударил запах протухшего сортира, и первое, что я сделал – снова попытался блевануть, но снова безуспешно. Глаза заслезелись, и пока я разгибался, принюхивался и настраивал зрение со света на полумрак, из темноты раздался мужской голос на красивом, но незнакомом мне языке. А потом второй голос, полный равнодушия и пессимизма, сказал из другого угла на чистом русском:

–Во, ещё одного боёба находкинского, небось, выловили!

Я думал, что удивляться уже не могу, но тут аж подпрыгнул.

–Я русский! – крикнул я. – С Владика! Нас было двое, но одного сильно ранило. Он на мину наступил на пляже!

–А какого вы на пляж полезли? Тоже красоток решили поискать в красных купальниках? Тут же всё заминировано, куда ни плюнь! Я ж говорю – боёбы. Сюда двигайся, коли русский. Мы в этом углу живём.

Так я познакомился с Серёгой Граковым и другими узниками данного ангара. За следующие несколько часов я узнал, кроме того, что являюсь полным боёбом, много нового и полезного. Что сортир – это яма в дальнем углу. Что вода – в бочке из-под бензина в центре ангара (Каждый день после обеда идёт дождь и вода по водостоку с крыши стекает в эту бочку.), ковшик на цепи – один на всех. Из еды – только зелёные бананы, сухари и какая-то бурда с запахом какао два раза в день. На допрос водят до обеда, а потом лежи на земле, обливайся потом в духоте и вони, лови комаров и многоножек и пой «Боже, благослови Америку!». На допросах предлагали курить какую-то херню, пить русскую водку и записаться на американский военный корабль моряком. Дают на подпись какие-то бумаги и бакланят на плохом русском, что через семь лет службы на их флоте мы получим гринкарту и поедem жить на госпенсию в Нью-Йорк, Бостон или Норфолк на выбор. В этом углу живут россияне: двадцать два рыла, хоть играй в футбол на две команды, только форма, к сожалению, одинаковая, судья не различит: тельняшки и серые бриджи. Никто из экипажа на допросах ничего не подписал, водку не пил и в Норфолке ничего не забыл. А вот четверо туристов типа меня, только на парусной яхте, приплывшие по красоток две недели назад, тоже взорвались на пляже. Один погиб, а остальные ушли на допрос и всё подписали не глядя. Теперь они живут в отдельном бараке, работают на администрацию.

В том углу – мексиканцы и ещё какие-то хлопцы, говорящие по-испански, тоже человек двадцать. С ними лучше не общаться. Для них все белые – амеры, а если амер попадает в руки к мексиканцам, то его без разговоров убивают по обряду инков путём вырезания сердца. В том углу – китайцы и японцы. Жить рядом они не хотят и всё время дерутся, но солдаты приказали всем узкоплёночным жить в куче и по другим углам не прятаться. Ангар изнутри разгорожен дощатым забором только на четыре загона: три для людей плюс сортир. На мой резонный вопрос: «Если я – боёб, то вы-то, профессора, как тут очутились?» мне заметили, что за хамство тут можно легко получить в пятак и пнули для профилактики под зад, но потом

всё же рассказали свою историю. Если бы я конспектировал лекцию, прочитанную мне в два десятка матросских глоток, то запись была бы примерно следующая:

Сергей был старпомом на контейнеровозе ледового класса «Людмила Иванова». Они вышли из Риги почти полгода назад, ходили через Севморпуть в Австралию и Новую Зеландию, возили туда автомобили, станки и ещё какое-то железо, а оттуда – разное баловство типа сушёной кенгурятины, каких-то фиников и прочей ботвы. На обратном пути, между Маршалловыми и Марианскими островами, под днищем внезапно произошёл взрыв, винт заклинило, и буквально через час нарисовался американский лёгкий крейсер. Команде в ультимативной форме было приказано покинуть корабль. Наши успели связаться с пароконством и сообщили, что корабль подбит и фактически захвачен пиратами под звёздно-полосатым флагом. Когда команду с контейнеровоза перевозили на крейсер, капитан Новиков погиб. Как объявили амеры, он застрелился в своей каюте, потому что нарушил границу Соединённых Штатов, отказался выходить из каюты и выполнять законные требования американской стороны. Всю команду перевезли сюда, где держат уже месяц. Видимо, наверху идут переговоры. Давно известно, что острова Вашингтону уже почти не подчиняются, а живут морским разбоем. Обслуга этой военной базы – сплошь местные туземцы и разные латиносы. И они втихаря рассказали хлопцам из мексиканского угла, что к нашему кораблю подогнали буксир, утащили его на Гуам, или Змеиный остров, и там теперь праздник живота. Местная солдатня купается в австралийском пиве и жрёт осьминогов в остром соусе.

Как теперь выбираться отсюда – не очень понятно, потому что дипломатические отношения с Америкой фактически заморожены, единственное наше представительство осталось только в Вашингтоне, а это всё равно, что на Луне. Потому что Вашингтон – это белая Америка: восточное побережье и север. И чтобы туда попасть, надо пересечь мексиканский и чёрный районы, а они тоже на столицу кол забили, гуляют ватагами типа Стеньки Разина, шибуют зипуны и орут: «Сарынь, на кичку!». У них уже и валюта своя – песо и христодоллар. На юге правительство контролирует только границу с Мексикой, и то уже не везде. В сотне километров от неё хозяйничают местные махновцы. А отпускать моряков напрямую отсюда в Россию амеры не хотят. Мол, надо, чтоб всё было по закону. (Как будто грабить корабли – это по закону! Но амеры тормозят всех под предлогом, что на кораблях скрываются террористы или везут товар, представляющий угрозу для национальной безопасности США.) А то в России – диктатура. Вдруг морякам тут на дармовых бананах так расчудесно живётся, что не хотят они обратно на родину, а рвутся встать на защиту звёздно-полосатого? Вдруг в России их будут пытаться или вовсе расстреляют? Так что волокита эта долгая и чем всё закончится – одному богу известно. Вон, у китайцев за месяц двое уже померло. (Китай амерам давно объявил своё последнее четыреста девяносто первое предупреждение, что своих не бросает и пленных не берёт. Хотя, судя по всему, своих то ли рыбаков, то ли шпионов с разных захваченных шхун Пекин всё-таки иногда просто выкупает у генерал-губернатора Гонолулу за опиум и свиные консервы.) Живые над ними попели часик и зарыли прям у себя в загоне. Японцы были в шоке, но их всего четверо, каратэ в детстве не учили, а китайцев – штук тридцать одинаковых. Судя по всему – солдаты, хоть вида не подадут. Как они ещё японцев не зарыли – удивительно. Бьют бедных каждый день, всё какой-то Нанкин им вспоминают. Такое ощущение, что китайцы знают: отсюда они живыми не выйдут, и потому им всё пофиг. После захвата Формозы они чувствуют себя победителями. Людьми, прожившими свою жизнь не зря. Каждое утро протягивают руки к небу и что-то бормочут.

А вот япошки головами поникли. Явно не самураи, а обычные рыбаки. Предыдущую партию иероглифов отправили, по слухам, на материк, в тюрьму Сан-Диего. Там строят какой-то объект. Не то порт, не то завод. И бедолаг там используют как рабсилу. Пока с материка не придёт корабль – они будут сидеть тут на одних бананах, а что с ними будет в Сан-Диего – догадаться не трудно.

Проще всего мексиканцам. Эти тут долго не задерживаются. Неделю потусуются – и их отпускают: из Мексики за ними регулярно приходит катамаран. Видать, какой-то договор есть. Да и бодаться с Мексикой у амеров ни возможностей, ни желания нет. Мучачей ловят в Гонолулу и вообще, по всему архипелагу, который они на своих политических картах уже рисуют в жёлтый цвет, и выдворяют через десятиметровую стену на границе обратно в Мексику. А те снова лезут, как мухи в нашу ретирадную яму. Кто в обратку через стену сигает, кто через Рио-Гранде плывёт, а кто с тихоокеанского побережья демократию штурмует. Причём лезут не торговать на базаре или ботинки чистить в переходах, а строить тут своё государство. Так что, по всему судя, от Америки вскорости останутся одни головёшки, как от России в одна тысяча девятьсот двадцатом. Все воюют со всеми, ни армии единой, ни валюты. И самое страшное – самим амерам уже на всё насрать. Биться за своё счастье они, как оказалось, не собирались. Кто мог – сразу умотал в Канаду и Австралию. Остальные сбиваются вокруг восточных городов, скупают спички, керосин и макароны. ООН из Нью-Йорка давно переселили в Астану, землетрясение разрушило две атомные электростанции в Калифорнии, поэтому на западном побережье сейчас вообще непонятно что творится. Народ из Лос-Анджелеса валом валит в Айдахо и Орегон; район Скалистых гор от Эль-Пасо до Вайоминга контролируют латиносы, но на Великую равнину не суются, потому что там, от Оклахомы до Южной Дакоты, хозяйничают негры. И лишь восточнее линии Миннеаполис – Канзас-Сити – Даллас – Хьюстон осталось то, что можно назвать государством США, да и то с натяжкой. Потому что пятая и шестая колонны из испаноговорящих и темнокожих составляет в восточных штатах почти треть населения и продолжает размножаться завидными темпами. А учитывая то, что весь Нью-Йорк – это евреи, а Флорида – кубинцы, ямайцы и прочие карибские пираты, то Америке в ближайшую пятилетку рисуется кирдык такой, что и бомбить не придётся.

После этого повествования мне не стало плохо, нет. Плохо мне было уже давно. Мне стало окончательно ясно, что я – боёб, особенно в сравнении с матросами, поплававшими по миру, поговорившими с умными людьми, поспавшими с красивыми женщинами и посмотревшими в детстве правильные передачи вместо той залипухи, которой пичкал меня мой Джонни. В голове, конечно, ещё долго была каша, но мать постепенно успокаивалась, ложилась в ровные логичные слои, прорисовывалась реальная картина того, что для меня всю жизнь было спрятано за ширмой и подсвечивалось розовыми лампочками. А реальность была такова, что день сидения в бараке заменял три года лежания перед телевизором. И так, той Америки, куда я так рвался, нет. Нет давно. Возможно, её никогда и не было. Есть некая заминированная территория, пахнущая серой и дерьмом, где людей держат в загоне как скотов. Пока это было всё, что я реально увидел. А уж то, что услышал...

Принесли бананы и сухари. Вернее, дверь открылась, и несколько туземцев в грязных поварских фартуках внесли четыре картонных ящика, поставили у входа и ушли. Ещё двое внесли огромную кастрюлю с чем-то жидким и бросили на землю рядом с ней две пластиковые кружечки. Солдат с автоматом, стоящий на пороге, замкнул дверь, и снова стало темно. На улице была уже почти ночь, дырки в потолке слились с чёрной жестью крыши. Ни звёзд, ни Луны. Двое наших сходили к выходу и притащили ящик, доверху наполненный зелёными твёрдыми бананами. Видимо, их сорвали только что. Для меня было странно, что в амбаре не слышались крики, ругань, чавканье. Китайцы принесли одну коробку себе, мексиканцы – себе. Каждый взял по банану, жменьку чёрных сухарей разного размера со следами чьих-то зубов (Как я догадался – объедки из солдатской столовой.) – и принялся неторопясь жевать. Я боялся, что мне, новичку и слабаку, еды не достанется. Но коробка была большая, и когда я последним подошёл за своей порцией, то из неё как будто и не убыло.

–Мы этого деликатеса уже наелись – во! – сказал мне кто-то из наших. (Было темно, даже силуэтов уже не просматривалось.) – Так что кушай, не стесняйся. За всё уплочено! Только в яму ночью не свались! С этой зелени живот крутит с непривычки.

Я сжевал четыре банана. После трёх недель консервов и суток вообще без еды они мне показались слаще сахара. На сухари посмотрел и решил, что голоден пока не настолько, чтобы питаться объедками. Потом сходил к кастрюле, выпил кружку чего-то совершенно безвкусного (Я впервые пил из одной кружки с кем-то ещё. И эти «кто-то ещё» были полсотни иностранцев, каждый из которых наверняка уже год не чистил зубы, а после того как попил, пустил слюней в кружку!) и подумал, что мама, наверно, сейчас жарит рыбу в сухарях, смахивает слёзы, смотрит в тёмное окно и говорит сама себе, чтобы хоть как-то разогнать гнетущую тишину вокруг: «Ну, сбежал сын, зато хоть вырвался на свободу! Поест там заморских сладостей, посмотрит на настоящую, счастливую жизнь. Разбогатеет».

Комок подкатил к горлу. Стало жалко мать, себя, захотелось жареной рыбы с хрустящим хлебом, который мать покупала в ближайшей булочной каждый вечер. «Дуралей! Окончил бы институт, – думал я, осторожно обходя лежащего мексиканца, – Поехал бы в Америку официально. Или нет? Дуралей был бы, если бы поехал? Короче, что так дуралей, что этак. Жизненного опыта – как у попугая в клетке. Поделом мне! Ни силы, ни мозгов, ни знания жизни. Такие в тюрьме умирают первыми».

Народ ходил к яме и укладывался спать на землю кто где. В китайском углу маленько попинали японцев, мексиканцы спели какую-то не то песню, не то молитву, в которой прозвучали названия Ямайка, Кингстоун, Мачу-Пикчу. Видимо, там были не только мексиканцы.

Гудели и больно жалили комары. По земле тоже ползали какие-то козявки, которых интересовали, к счастью, не мы, а куча дерьма в углу, к которому я уже успел принюхаться, и которым сам провонял до печёнок. Я лёг между тел, маленько побил комаров на шее и щеке и провалился в сон. Мне снился взрыв на пляже, кровь и Паша, который смотрел на меня с небес и говорил:

–Ну и как тебе Америка? Вот ты жив, а я-то умер. Перед тобой выбор: или тоже умри, или живи за себя и за меня!

Я заплакал и проснулся. Было совершенно темно. Думаю, я проспал часа два. Голова была тяжёлая, нога чесалась от комариных укусов, плечи болели после заплыва на сто метров вольным стилем, крутило живот. Я ощупью сходил до ямы и обратно, добрался до бочки, зачерпнул засаленным ковшиком воду и сделал глоток. Вода была тёплая, воняла тиной и бензином. Я лёг на своё место, и тихо сказал:

–Паша, я понял: ты умер. Они тебя убили! Эти американские подонки тебя просто убили! И виноват в этом только я. Прости. Я скоро тоже сдохну. Только сперва я хотел бы кое-что понять. Как там говорится? Не стыдно глупым родиться. Стыдно глупым умереть. Прости!

Как молитва помогала русским людям в трудные минуты битвы не на жизнь, а на смерть, так и мне после этих слов стало легче. Я сегодня увидел и узнал такое, что все остальные ужасы перестали мне казаться такими уж страшными. Ну, жрать охота! Сильно охота! (Зато я похудел!) Ну, будут на допросах издеваться. Ну, убьют. Коты перед смертью не плачут! И Паша не плакал. Значит, мне тоже нельзя. Всё что остаётся – держаться, раз уж так влип по дурасти. Все мы смертны. Двух смертей не бывать. На ошибках учатся. Опыт приходит с пиндюлями. Всё что нас не убивает – делает сильнее. Что там ещё на эту тему? Назвался груздем – сиди и не хрюкай! Страшно конечно. До колик в животе страшно! Но ведь тут вон сколько наших! И никто не стонет. Прочитали молитву тихонько, лбы перекрестили и уснули. А на мне креста нет. Я не крещёный. Наверно, мне нельзя креститься? Или можно? А как? И что при этом говорить? Ведь ничего не знаю, позорище ходячее!

Я ещё убил пару особо назойливых комаров, потом всё же рискнул и робко помахал скрюченными пальцами правой руки перед лицом и плечами. И снова провалился в сон.

Разбудил меня толчок в грудь: невысокий солдат в респираторе стоял надо мной и пихал носком ботинка. Было светло, верещали какие-то райские птицы, народ в амбаре шевелился, кто-то шёл к яме. Я поднялся, перешагнул через матросика и пошёл вслед за конвоиром, сло-

жив зачем-то руки за спиной. Выйдя из ангара, я зажмурился и задохнулся от обилия света и свежего воздуха. Но толчок в спину чуть не сбил с ног, и я стал шевелить затёкшими ногами, стараясь не отставать от переднего конвоира.

Меня привели в забавного вида хижину на коротких сваях, с фанерными, плохо подогнанными стенами, и крышей, покрытой какой-то толстой соломой. Я зашёл внутрь и остановился. У входа стоял маленький детский стульчик в красный лепесток, и человек, сидевший за столом, молча показал мне на него. Я сел, упершись коленями в плечи. Пузатый дядька в военной форме, состоящей из выцветшего кителя и коротких шорт, сидел в плетёном кресле за столом, широко расставив ноги и вытирал пот со лба. Хотя солнце только всходило, было уже очень душно, на небе крутились чёрные тучки. Я тоже вспотел в своём спортивном костюме производства города Иваново и надписью «Я люблю Америку». Снять его я не рискнул, потому что под ним у меня были только звёздно-полосатые плавки: в бараке парни могли не понять.

Пузатый мало походил на военного. Лет хорошо за пятьдесят. Лысина. Остатки всклокоченной волосни клочками свисали с затылка на засаленный воротник. Уставший нездоровый вид. Стойкий запах пота и алкоголя. Он глянул на меня, абсолютно не заинтересовался и продолжил тыкать одним пальцем в экран своего ноута. Два моих конвоира сели в тень пальмы метрах в пяти от входа, положили автоматы на колени и явно настроились провести в этом положении не меньше часа. Вскоре пришёл ещё один пузатый в шортах и запахом пота и алкоголя, немного моложе и щекастее своего коллеги. Получив разрешение, сел возле первого и спросил меня с ужасным акцентом:

–Фамиллиа. Иммя. Воинскойэ сфанныэ. Цельь припыттиаа. Отвечатть чеснаа. Быстраа.

–Бойнович Владимир Николаевич. Приплыли позагорать на пляже с товарищем. Товарищ взорвался на mine. Меня сюда привезли. Звания никакого нет. В армии вообще не служил.

Щекастый перевёл, так же перевирая английские слова, как и русские. Старший равнодушно кивнул, потом выдвинул крышку стола и достал мои права и паспорт. Чёрт! Я про них совсем забыл! Все три недели путешествия они лежали в кармашке моей спортивной сумки, которая осталась в моём кубрике на дне сундука.

–Бойнович. Проживает во Владивостоке. Адрес, – старший перевёл взгляд с паспорта на экран ноута, сверился и продолжил, – Океанский проспект, дом, квартира... Учился в школе. Учился в колледже. Проживает вдвоём с матерью. Мать работает в дальневосточном университете, была за границей, в том числе в Америке. Продавец лодок. Менеджер. В розыске за угон. Преступник. Знает английский! Большое сердце. Малоконтактен. Не густо. Как я понял, переводчик нам не нужен! – не спросил, а утвердительно произнёс он, мельком глянув мне в глаза.

Он говорил на хорошем английском, так что я его прекрасно понял, и так же понял, что он понял, что я его понял. Пока я думал, то ли включать перед этим типом дурачка, то ли нет, он повернулся к переводчику и сказал:

–Ты свободен, Янис!

Янис посмотрел на начальника как-то не по-военному жалобно и выдавил с ужасным акцентом по-английски:

–Может, мы имеем возможность начать этот день хорошо сейчас?

Удивительно, но шеф понял и его, открыл нижний ящик стола, достал хорошо початую бутылку водки «Кубанские казаки» объёмом ноль семь литра и три пластиковых стакана. Налил немножко не половину в каждый и один из них толкнул по столу в мою сторону. Я помотал головой и сказал уже на английском:

–Спасибо, но я не пью алкоголь.

Янис поперхнулся, его и без того далеко не бледное лицо стало багровым, он проглотил водку, но она рванулась наружу, так что бедолаге пришлось закрывать рот ладонью и глотать ту же водку вторично. На всю эту неаппетитную сцену шеф смотрел с равнодушным омерзением.

Дождавшись, когда Янис перестанет делать судорожные глотательные движения, он спокойно повторил ту же фразу с теми же интонациями:

–Ты свободен, Янис!

Янис встал, посмотрел на мой одинокий стакан с водкой, на меня, косо развернулся и вышел. Шеф вылил содержимое моего стакана в свой, опрокинул тёплую водку в рот, занюхал кактусом и, слегка покраснев, заметил:

–Ты представляешь, Володя, с кем мне тут приходится иметь дело! Предатели, алкаши, трусы и ворьё, которым в мою молодость место было – на рее. На уме у всех только деньги. Это не солдаты! Это сброд. Ты – гей?

–Что? – не понял я, обалдев от такого откровения. – В каком смысле? Гей – это как? А-а! Нет, нет конечно. Я не голубой. Даже не понял сперва, о чём речь!

–Можешь звать меня сэр. Или мистер Сайрус Бэнкс. Или просто дядя Федя. Мне без разницы, как ты меня будешь называть. Твои друзья-моряки называют меня промеж собой кактусом. Видимо, вот из-за него! – он показал мне на свой занюхиватель, стоящий перед ним на столе в глиняном горшочке. – Итак, тебе двадцать четыре года, но ты не женат. Приехал в Америку на угнанной лодке. Зачем? Логично предположить, что ты гей, и тебя

российская власть всячески за это притесняла.

–Никто меня не притеснял! Просто хотелось посмотреть на вашу страну. Я много фильмов смотрел американских. Передач всяких про Америку. А за границу меня не пускали, потому что не служил в армии. Вот я и сбежал с товарищем. Он пошёл дорогу узнать и на mine подорвался. Его увезли на одной лодке, а меня – на другой. Вы не знаете, что с ним?

Шеф пропустил мою тираду мимо ушей. Он ещё потыкал в экран пальцем, потом задумчиво спросил:

–Ну и как тебе в Америке?

–Да как-то пока не очень. Кроме тюрьмы ничего не видел. Я думал, что на красивый пляж попадём с Пашей, а попали...

Я махнул рукой. Губы дрожали, в глазах всё растекалось. Меня всё равно не слушали. Толстяк тыкал пальцем в ноут, утирал обильный после водки пот и что-то читал, медленно шевеля губами. По крыше забарабанил дождик. Мне очень хотелось пить, есть и помыться. Я почесал искусанную комарами ногу, потом шею.

–Григорьев Павел Михайлович. Не женат. Адрес. Океанский проспект. У вас там что, все живут на Океанском проспекте? Других улиц нет? Преступник. В розыске. Хобби – борьба. Мать в университете. Работает продавцом. Точнее – работал. Ваше КГБ разучилось работать или решило, что мы тут все – полные идиоты? Хотя – недалеко от истины. Идиотов тут полно. Грустно. Два пацана. Без оружия. Без связи. Зачем вас сюда прислали? Скажи лучше сам: какова цель заброски? Мои парни не посмотрят на твоё большое сердце, если узнают, что ты – русский шпион.

У меня в животе похолодело, а язык присох к нёбу. Неужели он действительно решил, что я – шпион? И как доказать, что это не так?

–Я не шпион! – почти выкрикнул я. – Я просто дурак, который купился на сказку про красивую жизнь. Провалилась бы к чёрту ваша Америка! Я думал – тут клёво, а тут тюрьма! Я домой хочу! Козлы вы все!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.